

ДЖУДИТ
МАКНОТ

КОРОЛЕВСТВО
ГРЕЗ

Annotation

Шотландия, конец XV века, закат великой эпохи рыцарства, время войн и раздоров...
Попав в плен к могучему и жестокому английскому воину, прозванному Черным Волком, юная шотландская графиня становится участницей невероятных событий и рискованных приключений, открывает для себя великое чудо любви.

Джудит Макнот

Королевство грез

Judith McNaught
A KINGDOM OF DREAMS

© Eagle Syndication, Inc., 1989
© Перевод. Е. В. Нетесова, 1996
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Беззубым улыбкам и детским погремушкам; «маленькой Лиге» игр и не пролитым тобой слезам; быстроходным автомобилям, хорошеньким девушкам и колледжскому футболу; страстности, обаянию, юмору — моему сыну.

Мы прошли вместе долгий путь, Клей. Особая моя признательность:

моему секретарю Карен Т. Кэтон — за безумные ночи, что вы проработали рядом со мной; за терпение и юмор, которые у вас никогда не иссякают; за то, что всегда за мной поспеваете!

доктору Бенджамену Хадсону с исторического факультета Пенсильванского университета — за те сведения, которых я нигде бы больше не сыскала;

доктору Шерон Вудраф — за дружеские чувства и вдохновляющую поддержку.

— Тост в честь герцога Клеймора и новобрачной!

В обычных обстоятельствах этот призыв к свадебному тосту заставил бы пышно разодетых леди и джентльменов, собравшихся в большом зале замка Меррик, улыбаться и издавать одобрительные восклицания. Они взмахнули бы наполненными вином кубками и принялись провозглашать очередные здравицы в ознаменование великого и благородного брака, который вот-вот должен быть заключен здесь, на юге Шотландии.

Но не сегодня. Не на этой свадьбе.

На этой свадьбе никто не веселился и не поднимал кубков. На этой свадьбе все друг за другом следили и все оставались настороже. Семейство невесты было настороже. Семейство жениха было настороже. Гости, и слуги, и охотничьи собаки в зале были настороже. Даже первый граф Меррик на висевшем над камином портрете выглядел настороженным.

— Тост в честь герцога Клеймора и новобрачной! — снова воскликнул брат жениха, и голос его прозвучал в неестественной, могильной тишине переполненного зала как раскат грома. — Да будет их совместная жизнь радостной, долгой и плодотворной!

В обычных обстоятельствах этот древний тост произвел бы известный эффект. Жених всегда гордо улыбается, ибо уверен, что обретает истинное чудо. Невеста улыбается, ибо сумела внушить ему эту уверенность. Гости улыбаются, ибо брак в дворянской среде означает объединение двух могущественных семейств и двух крупных состояний, что само по себе дает повод к великому торжеству и непомерному ликованию.

Но не сегодня. Не в день 14 октября 1497 года.

Произнеся тост, брат жениха поднял заздравную чашу и одарил жениха мрачной улыбкой. Друзья жениха подняли чаши и одарили родичей невесты суровыми улыбками. Родичи невесты подняли чаши и одарили друг друга ледяными улыбками. Жених — похоже, единственный, на кого не действовала царившая в зале атмосфера вражды, — поднял чашу и спокойно улыбнулся невесте. Но глаза его не улыбались.

Невеста и не подумала никому улыбаться. Она казалась взбешенной и готовой взбунтоваться.

По правде сказать, Дженнифер пребывала в таком смятении, что едва замечала кого-либо из присутствующих. В данный момент она всеми фибрами души сосредоточилась на последнем, отчаянном призыве к Богу, который, либо недоглядев, либо не испытывая к ней ни малейшего интереса, позволил приблизиться столь несчастному событию.

«Господи, — молча восклицала она, пытаясь перевести дыхание, — если Ты собираешься что-нибудь предпринять, дабы остановить эту свадьбу, поторопись, или через пять минут будет поздно! Конечно же, я заслуживаю чего-то лучшего, чем насильственный брак с мужчиной, похитившим мою девственность! Тебе ведь известно, я отдала ее не просто так!»

Осознав глупость упреков Всевышнему, она поспешно перешла к мольбам, беззвучно шепча: «Разве я всегда не старалась усердно служить Тебе? Разве я всегда не повиновалась Тебе?»

«Не всегда, Дженнифер», — прогремел в ее душе глас Господень.

«Почти всегда, — неистово утверждала Дженнифер. — Я ходила на мессу каждый день, кроме тех, когда болела — а это случалось нечасто, — и читала молитвы каждое утро и

каждый вечер. Почти каждый вечер, — быстро поправились она, — кроме тех, когда засыпала, не успев дочитать до конца. И старалась, честно старалась стать такой, какой хотели бы видеть меня добрые сестры в аббатстве. Тебе ведь известно, как я упорно старалась! Господи, — безнадежно заканчивала она, — если Ты мне сейчас просто поможешь освободиться, я никогда больше не буду ни своенравной, ни безрассудной».

«В это Я не поверю, Дженнифер», — с сомнением прогрохотал Господь.

«Нет, я клянусь Тебе, — серьезно твердила она, пытаясь выторговать соглашение. — Я сделаю все, что Ты пожелаешь, сейчас же вернусь в аббатство, и посвящу жизнь молитвам, и...»

— Брачный договор подписан должным образом. Приведите священника, — приказал лорд Бальфур, и дыхание Дженнифер перешло в дикие, панические всхлипывания, а все мысли о возможных жертвоприношениях вылетели из головы.

«Боже, — молча молила она, — почему Ты со мной так поступаешь? Ты ведь не допустишь, чтобы это случилось, правда?»

В большом зале воцарилась глубокая тишина, дверь распахнулась.

«Нет, Дженнифер, допущу».

Толпа машинально расступилась, давая дорогу священнику, и Дженнифер показалось, что жизнь ее кончена. Жених шагнул, становясь рядом с ней. Дженнифер на дюйм отпрянула в сторону, и ее замутило от негодования и отвращения, которые она испытывала, терпя его присутствие. Если бы она только знала, что один необдуманный поступок способен привести к беде и позору! Если бы только она не была такой строптивой!

Закрывая глаза, Дженнифер отрешилась от враждебных физиономий англичан и от лиц своих шотландских родичей, готовых на смертоубийство, и в сердце своем прочитала ужасную истину: своенравие и безрассудство — два ее величайших порока — привели к столь чудовищной развязке, именно те два порока, что толкали ее на самые губительные дурачества. Эти два изъяна вкупе с отчаянными усилиями заставить отца полюбить ее так же, как он любил своих пасынков, виновны в том, что она загубила собственную жизнь.

Когда ей было пятнадцать, они внушили ей мысль отомстить коварному, злобному сводному брату неким способом, выглядевшим справедливым и благородным, — тайком облачиться в доспехи Мерриков и открыто выступить против него на турнире. В результате сей великолепной глупости она получила хорошую взбучку от отца прямо на поле чести и лишь чуточку удовлетворения от того, что выбила из седла подлого родича.

Годом раньше те же предательские пороки толкнули ее на такое поведение, что старый лорд Болдер, искавший ее руки, взял назад свою просьбу, и это разрушило лелеемые отцом мечты об объединении двух семейств, став вместо того причиной заточения Дженни в аббатство в Белкирк, где она через семь недель оказалась легкой добычей мародерствующей армии Черного Волка.

И вот теперь ей воздается по заслугам: ее насильно выдают замуж за врага, за жестокого воина-англичанина, чьи войска захватили ее страну, за мужчину, который похитил ее, держал в плену, лишил девственности и погубил доброе имя.

Но уже слишком поздно молиться и раздавать обещания. Судьба была окончательно решена семь недель назад, в тот момент, когда ее швырнули к ногам надменной скотины, связанную как припасенная к семейному празднику куропатка.

Дженнифер судорожно перевела дыхание. Нет, еще раньше она свернула на гибельный путь — в тот день, когда отказалась прислушаться к предупреждению о близости войск

Черного Волка.

«Но почему я должна была верить?» — оправдываясь, прокричала в душе Дженнифер.

«Волк идет!» — этот устрашающий крик раздавался на протяжении пяти последних лет чуть ли не еженедельно. Но в тот день, семь недель назад, оказался горькой правдой.

Толпа в зале нетерпеливо переминалась в ожидании появления священника, а Дженнифер погрузилась в воспоминания...

Тот день выдался необычайно погожим, с радостным голубым небом и пьянящим воздухом. Над аббатством сияло солнце, купало в ярком золотом свете готические шпили и изящные арки, щедро лилось на сонную маленькую деревушку Белкирк, состоявшую из аббатства, двух лавок, тридцати четырех домиков и общинного камня в самом центре, где по воскресным дням собирались селяне, как и было в тот день. На отдаленном холме пастух присматривал за стадом, а на поляне, неподалеку от ручья, Дженнифер играла в прятки с сиротами, которых аббатиса вверила ее попечению.

В безмятежной тиши, среди смеха и развлечений, начинался весь этот кошмар. Дженнифер закрыла глаза, словно как-то могла изменить происшедшее, воскресив его в памяти, и вдруг вновь оказалась на крошечной лужайке, с детьми, в капюшоне, полностью закрывающем голову...

— Где ты, Том Мак-Гиверн?! — восклицала она, шаря раскинутыми руками и притворяясь, будто не может найти хихикающего девятилетнего мальчишку, хоть слышала его всего в футе справа. Усмехаясь под опущенным капюшоном, она приняла позу классического чудища, протянула руки далеко вперед, скрючила пальцы, затопала, зарычала хриплым зловещим голосом:

— Тебе от меня не уйти, Том Мак-Гиверн!

— Ха! — выпалил он. — Ты меня не поймашь!

— Нет, поймаю! — пригрозила Дженни и нарочно свернула налево, вызвав взрыв смеха у попрятавшихся под деревьями и присевших в кустах ребятишек.

— Вот и поймала! — торжествуя крикнула Дженни через несколько минут, коршуном налетев на визжащего удирающего ребенка и схватив маленькую ручонку. Задыхаясь и хохоча, она, не обращая внимания на рассыпавшиеся по плечам и рукам золотисто-рыжие волосы, сбросила капюшон, чтобы поглядеть, кто попался.

— Ты поймала Мэри! — хором радостно завопили дети. — Теперь Мэри будет водить!

Маленькая пятилетняя девочка подняла на Дженни широко раскрытые, полные страха ореховые глаза, а ее худенькое тельце затряслось от страха.

— Пожалуйста, — прошептала она, прижимаясь к ноге Дженни, — я... я не хочу носить колпак... В нем темно. Мне его обязательно надо надеть?

Ободряюще улыбаясь, Дженни нежно откинула волосы с тонкого личика Мэри.

— Не надо, если не хочешь.

— Я боюсь темноты, — стыдливо призналась Мэри.

Дженни подхватила девчушку на руки и крепко обняла.

— Все чего-нибудь да бояться, — проговорила она и призналась: — Ведь я и сама боюсь... лягушек!

Выслушав ложное покаяние, девочка захихикала.

— Лягушек! — повторила она. — А мне они нравятся! Я от них не убегаю!

— Ну вот видишь, — сказала Дженни, опуская ее на землю. — Ты очень храбрая. Храбрей меня!

— Леди Дженни боится глупых старых лягушек, — известила Мэри мчащуюся им навстречу компанию.

— Нет, она... — запротестовал юный Том, мгновенно вставая на защиту прекрасной леди Дженни, которая, несмотря на высокое положение, всегда готова, задрав юбки, забрести в воду, помогая ему изловить жирную жабу, или проворно, как кошка, взобраться на дерево, спасая крошку Уилла, который боится слезать вниз.

Том умолк под умоляющим взглядом Дженни и не стал более возражать против приписанной ей боязни лягушек.

— Я надену капюшон, — добровольно вызвался он, с обожанием глядя на семнадцатилетнюю девушку, которая носила темный плащ послушницы, хоть и вела себя явно не так, как монахиня. Да вот взять хоть прошлую субботу, когда леди Дженни клюнула носом во время длинной проповеди священника, и только громкий притворный кашель Тома со скамьи позади разбудил ее вовремя, прежде чем углядела остроглазая аббатиса.

— Хорошо, теперь очередь Тома надеть колпак, — с готовностью согласилась Дженни, передав Тому капюшон. Улыбаясь, она проследила, как дети разбегаются по своим излюбленным убежищам, потом подняла короткую шерстяную головную накидку, которую сбросила, приступая к игре. Собираясь пойти к общинному роднику, где сельские жители жадно расспрашивали членов клана, что проезжали через Белкирк по дороге домой, возвращаясь из Корнуолла с войны против англичан, она подняла плат, намереваясь его повязать.

— Леди Дженнифер! — неожиданно прокричал кто-то из местных жителей. — Идите скорей, новости про лэрда^[1].

Позабыв про плат и накидку, Дженни кинулась бежать, а дети, предвкушая волнующие события, оставили игру и помчались за ней следом.

— Какие новости? — задыхаясь, спросила Дженни, переводя взгляд с одного непроницаемого лица на другое. Один из членов клана вышел вперед, почтительно снял шлем и пристроил его на согнутой в локте руке.

— Вы дочь лэрда Меррикского?

При упоминании имени Меррика двое мужчин у источника перестали вдруг черпать ведрами воду, обменялись удивленными и злорадными взглядами, а потом снова резко пригнулись и спрятали лица в тень.

— Да, — нетерпеливо отвечала Дженни. — У вас есть новости о моем отце?

— Есть, миледи. Он движется той же дорогой, немножечко позади нас, и с большой компанией.

— Слава Богу, — выдохнула Дженни и через мгновение спросила: — Чем закончилась битва в Корнуолле? — готовая забыть теперь личные тревоги и расспросить о сражении, которое шотландцы дали в Корнуолле в поддержку притязаний королей Иакова IV^[2] и Эдуарда V^[3] на английский трон.

Выражение его лица уже ответило на вопрос Дженни, прежде чем он сообщил:

— Когда мы уезжали, все было кончено. В Корке и Тонтоне смахивало, что мы можем взять верх, да и в Корнуолле тоже, пока сам дьявол не начал командовать армией Генриха^[4].

— Дьявол? — непонимающе повторила Дженни.

Лицо мужчины перекосилось от ненависти, и он плюнул под ноги.

— Точно, дьявол — Черный Волк самолично, гореть бы ему в аду, откуда он на свет

вылез!

Две крестьянки перекрестились, словно отгоняя нечистого при звуке имени Черного Волка, врага, которого в Шотландии больше всех ненавидели и больше всех боялись, а дальнейшие речи мужчины заставили их вскрикнуть от ужаса.

— Волк возвращается назад, в Шотландию. Генрих послал его сюда со свежими силами, чтоб раздавить нас за поддержку короля Эдуарда. Разразятся убийства да кровопролитие, как в прошлый его приход, только еще хуже, помяните мое слово. Клань спешат домой готовиться к битвам. По-моему, Волк атакует сначала Меррик, а уж потом примется за остальных, ведь это ваш клан в Корнуолле положил больше всех англичан.

Проговорив это, он вежливо поклонился, надел шлем и вскочил на коня.

Жалкие кучки людей у источника вскоре после того разошлись и направились вниз по дороге, ведущей через торфяники и выющейся по холмам.

Но двое мужчин не поехали за поворот. Скрывшись с глаз поселян, они шмыгнули направо, украдкой послав коней галопом в лес.

Если бы Дженни следила, она бы увидела, как они, совершив обманный маневр, мелькнули на краткий миг позади нее, в протянувшейся вдоль тракта рощице. Но в тот момент ее занимал ад крошечный, разверзшийся перед обитателями Белкирка, которому довелось лежать прямехонько на пути из Англии к главной башне замка Меррик.

— Волк идет! — прокричала какая-то женщина, бережно прижимая к груди ребенка. — Господи, помилуй нас!

— Он нацеливается на Меррик! — в ужасе вскричал мужчина. — Ему хочется вонзить клыки в лэрда Меррикского, а по пути он сожрет Белкирк!

Все вокруг вдруг наполнилось жутким предчувствием огня, гибели и резни, и дети, столпившиеся близ Дженни, прижались к ней в немом испуге. Для шотландцев — будь то богатый дворянин или скромный деревенский житель — Черный Волк был опаснее и хуже самого дьявола, ибо дьявол — дух, а Волк — плоть и кровь, живой сатана, чудовищное создание, угрожающее их существованию прямо здесь, на земле. Этим злобным призраком шотландцы обычно пугали своих провинившихся отпрысков. «Тебя Волк заберет», — страшили ребятишек, чтобы они не блуждали в лесу, не вылезали по ночам из постелей и слушались старших.

Не в силах выносить безумие, порожденное, по ее мнению, больше легендой, чем самим человеком, Дженни возвысила голос, чтобы ее было слышно сквозь шум.

— Скорей всего, — прокричала она, обняв перепуганных детей, — он вернется назад, к своему варвару-королю, и примется зализывать раны, которые мы нанесли ему в Корнуолле, пока он врал из всех сил, преувеличивая свои победы. А если не сделает этого, выберет для атаки крепость послабей Меррика, куда у него есть шанс прорваться.

Слыша слова, полные веселого презрения, люди бросали на нее испуганные взгляды, но Дженни высказывала все это не из ложной бравады. Она принадлежала к семейству Мерриков, а Меррики никогда не позволят себе убоиться ни одного человека. Она слышала это сотни раз от отца, поучавшего пасынков, и приняла его веру как свою собственную. Кроме того, сельские жители пугали детей, чего она более не могла допускать.

Мэри дернула Дженни за юбки, привлекая к себе внимание, и дрожащим голосом спросила:

— А вы не боитесь Черного Волка, леди Дженни?

— Нет, конечно! — ответила Дженни с сияющей бодрой улыбкой.

— Говорят, — вмешался преисполненный благоговения юный Том, — будто Волк высоченный, как дерево!

— Дерево! — хмыкнула Дженни, пытаясь выдумать весомую шутку про Волка и призывая на помощь все свои познания. — Если так, стоило бы посмотреть, как он взбирается на коня! Понадобятся четыре оруженосца, чтобы взгромоздить его в седло!

Нелепость подобной картины заставила кое-кого захихикать, на что и надеялась Дженни.

— Я слышал, — продолжал юный Уилл, красноречиво поежившись, — он крушит стены голыми руками и пьет кровь!

— Ой! — вскрикнула Дженни, сверкая глазами. — Тогда у него несварение желудка. Если он явится в Белкирк, мы предложим ему доброго шотландского эля!

— Мой папа рассказывал, — вмешался другой ребенок, — он скачет рядом с великаном, с Го... лиафом по имени Арик, который держит боевой топор и рубит детей на кусочки...

— А я слышал... — зловеще перебил следующий малыш, но Дженни весело оборвала его:

— Давайте я вам расскажу, что я слышала. — С отважной улыбкой она повела их к аббатству, стоявшему ниже за поворотом дороги и скрытому из виду. — А слышала я, — забавляясь, придумывала она на ходу, — будто он старый-престарый, и ему надо все время щуриться, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, вот так...

Она перекосилась, комически преувеличенно изображая полубезумное, почти слепое существо, тупо озирающееся вокруг, и дети захохотали.

Проходя по дороге, Дженни продолжала высказывать столь же легкомысленные, насмешливые замечания, и дети включились в игру, добавляя собственные догадки, выставлявшие Волка в дурацком свете.

Но несмотря на смех и натужное веселье, внезапно потемневшее небо заволокло тяжелыми тучами, в воздухе резко похолодало, ветер начал трепать плащ Дженни, словно сама природа нахмурилась при упоминании этого дьявола.

Она собралась отпустить очередную шуточку насчет Волка, но сразу смолкла, приметив показавшуюся из-за поворота группу верховых членов клана, которая направлялась навстречу ей вниз по дороге. Прекрасная девушка, одетая так же, как Дженни, в темно-серый плащ, белый плат и короткое серое покрывало послушницы, сидела в седле перед первым всадником, скромно пристроившись сбоку, и робкой улыбкой подтверждала то, что уже поняла Дженни.

С безмолвным радостным криком она рванулась было вперед, однако сдержала неприличествующий леди порыв и принудила себя стоять на месте. Глаза ее вперились в отца, потом быстро окинули членов клана, смотревших мимо нее с тем же мрачным неодобрением, которое выказывали ей уже не один год, с тех пор, как ее сводный брат успешно пустил в ход свои ужасные выдумки.

Отослав детей со строгим наказом отправляться прямо в аббатство, Дженни, казалось, целую вечность ждала посреди дороги, пока наконец всадники не остановились перед ней.

Отец, очевидно, заезжавший в аббатство, где вместе с Дженни пребывала ее сводная сестра Бренна, спрыгнул с коня и повернулся, чтобы снять Бренну. Дженни нервничала из-за этой задержки, но столь тщательное соблюдение этикета и неуклонная забота о собственном достоинстве были такими типичными для великого человека, что ее губы тронула неуверенная улыбка.

Наконец он обернулся к ней, широко раскинув руки. Дженни бросилась в его объятия, страстно прильнула к нему, взволнованно бормоча:

— Батюшка! Я так соскучилась! Не видела вас почти два года! Вы здоровы? Хорошо выглядите... Почти не изменились за все это время!

Мягко разомкнув руки, обвивавшие его шею, лорд Меррик слегка отстранил от себя дочь, осматривая растрепанные волосы, розовые щеки, сильно измятый плащ. Дженни внутренне сжалась под долгим испытующим взглядом, молясь, чтобы отец одобрил увиденное, и надеясь, что при посещении аббатства аббатиса дала ему благоприятный отзыв.

Два года назад Дженни из-за ее поведения отослали в аббатство; год назад туда же отправили Бренну в целях безопасности, пока лэрд был на войне. Попад под жесткое руководство аббатисы, Дженни пришлось признать превосходство монахини и попытаться исправить свои недостатки. Но пока отец разглядывал ее от макушки до пят, она все гадала, что же он видит — юную леди, какой она стала теперь, или непослушную девчонку, какой была два года назад. Но вот он вновь посмотрел ей в лицо, и в его голубых глазах промелькнула улыбка.

— Ты стала женщиной, Дженнифер.

Дженни немедленно воспрянула духом; подобное замечание из уст немногословного отца означало высокую похвалу.

— Я и в другом изменилась, батюшка, — заявила она, сияя от удовольствия. — Я очень переменилась.

— Да не так уж и очень, моя девочка. — Подняв лохматые седые брови, он многозначительно посмотрел на короткую накидку и плат, которые она, позабыв, держала кончиками пальцев.

— О! — воскликнула Дженни, смеясь и торопясь объяснить. — Я играла в прятки... э-э-э... с детишками, а головной убор не помещался под капюшоном. Вы видели аббатису? Что рассказала вам матушка Амброз?

В его хмурых глазах блеснули смешинки.

— Она рассказала мне, — сухо ответил он, — что у тебя вошло в привычку сиживать вон на том холме, глазеть вдаль и грезить, что хорошо мне знакомо, милочка. Она рассказала мне, что ты склонна клевать носом посреди мессы, если священнику заблагорассудится проповедовать дольше, чем тебе кажется нужным, что мне также вполне знакомо.

Сердце Дженни сжалось из-за предательства аббатисы, которой она так восхищалась. В некотором смысле мать Амброз сама была лэрдом огромного собственного поместья, распоряжалась доходами с земледельческих и скотоводческих ферм, принадлежащих процветающему аббатству, председательствовала за столом, когда случались визитеры, и справлялась со всеми другими делами, касавшимися как мирян, трудившихся в аббатстве, так и монахинь, живущих в затворничестве за его высоченными стенами.

Следующие слова отца рассеяли разочарование.

— Мать Амброз поведала мне также, — признался он с грубоватой гордостью, — что у тебя на плечах голова, достойная самой аббатисы. Она заявила, что ты настоящая Меррик до кончиков ногтей, с отвагой, которой хватило бы, чтобы стать лэрдом клана. Но ты им не станешь, — предупредил он, разбивая самую тщетную мечту Дженни.

Дженни с трудом удержала на устах улыбку, стараясь не чувствовать боли, которую ей причиняло лишение этого права — права, обещанного ей, пока отец не женился на вдовевшей матери Бренны и не получил по условиям сделки трех пасынков.

Старшему из братьев, Александру, суждено занять положение, по праву принадлежащее Дженни. Само по себе это было б не так трудно перенести, если бы Александр оказался добрым или хотя бы честным, но он вероломный интриган и лжец; Дженни знала это, а отец с кланом не знали. Через год после переезда в замок Меррик он принялся распускать о ней небылицы, столь клеветнические и грязные, но столь искусно сплетенные, что несколько лет спустя восстановил против нее весь клан. Ее не любили сородичи, и это причиняло невыносимые страдания. Даже сейчас, когда родичи глядели мимо, словно показывая, что она для них не существует, Дженни приходилось сдерживаться, чтобы не молить о прощении за то, чего она никогда не делала.

Уильям, средний брат, походил на Бренну, нежную и робкую, а Малькольм, самый младший, был таким же злобным и подлым, как Александр.

— А еще аббатиса сказала, — продолжал отец, — что ты вежлива и мила, но у тебя есть и характер...

— Она так сказала? — переспросила Дженни, отвлекаясь от мрачных мыслей о сводных братьях. — Правда?

— Правда.

В обычных обстоятельствах Дженни обязательно возликовала бы от подобного ответа, но, глядя в лицо отца, заметила, что оно стало таким мрачным и напряженным, каким она никогда его прежде не видела. Даже голос звучал глухо, когда он проговорил:

— Хорошо, что ты свернула с опасной дорожки и стала такой, какая ты есть, Дженнифер.

Он помолчал, точно не имел ни сил, ни желания продолжать, и Дженни мягко подтолкнула его:

— Почему, батюшка?

— Потому, — проговорил он, сделав долгий глубокий вдох, — что будущее клана зависит от твоего ответа на мой следующий вопрос.

Слова его отдались в ее душе трубным гласом, будто их прокричали горны; голова Дженни пошла кругом от волнения и радости. От счастья она с трудом верила своим ушам. Все было так, словно она сидела высоко на холме, возвышающемся над аббатством, погрузившись в свои излюбленные грезы, в которых отец неизменно подходил к ней и говорил: «Дженнифер, будущее клана зависит от тебя. Не от твоих сводных братьев. От тебя». Перед ней открывалась возможность, о которой она мечтала, — возможность продемонстрировать членам клана свою храбрость и снова завоевать их любовь. В тех дневных грезах ее всегда призывали к свершению невероятно отважного подвига, некоего смелого и опасного деяния, скажем, перелезть через стену замка Черного Волка и захватить его в одиночку. И какой бы невероятной ни оказывалась эта задача, она никогда не сомневалась и не колебалась, принимая вызов.

Дженни испытующе глядела на отца.

— Чего вы от меня хотите? — с готовностью спросила она. — Скажите, и я сделаю! Сделаю все...

— Ты согласна выйти замуж за Эдрика Макферсона?

— Что-о-о? — выдохнула перепуганная героиня дневных грез. Эдрик Макферсон был старше отца — иссохший, устрашающего вида человек, который с тех пор, как она превратилась из девочки в девушку, поглядывал на нее так, что у Дженни мурашки бежали по коже.

— Согласна или нет?

Тонкие золотисто-каштановые брови Дженни сошлись на переносице.

— Зачем? — спросила никогда не сомневающаяся и не колеблющаяся героиня.

Лицо отца омрачило странное, затравленное выражение.

— Мы потерпели поражение в Корнуолле, малышка, потеряли половину своих людей. Александр убит в бою. Он умер как настоящий Меррик, — с угрюмой гордостью добавил он, — сражался до конца.

— Я рада, что вы уцелели, папа, — проговорила она, не в силах почувствовать ничего больше, кроме мимолетного укола печали о сводном брате, который превратил ее жизнь в ад. Теперь, как часто бывало в прошлом, ей хотелось найти нечто, что можно было бы совершить, заставив отца гордиться ею. — Я знаю, вы любили его как собственного сына.

Принимая коротким кивком соболезнование, он вернулся к обсуждению насущного вопроса:

— Многие кланы были против похода в Корнуолл и битвы ради интересов короля Иакова, но так или иначе пошли за мной. Для англичан не секрет, что именно я своим влиянием привел кланы в Корнуолл, и теперь английский король жаждет мести. Он направил в Шотландию Волка атаковать замок Меррик. — Своим низким голосом, сдавленным от острой боли, он признался: — Сейчас мы не сможем выдержать осаду, пока клан Макферсонов не придет поддержать нас в бою. У Макферсонов хватит могущества, чтобы заставить десяток других семейств присоединиться к нам.

У Дженни в голове царил полнейший сумбур. Александр мертв, Волк в самом деле идет в атаку на ее дом...

Резкий голос отца вывел девушку из задумчивости:

— Дженнифер! Ты поняла, что я сказал? Макферсон обещал биться вместе с нами, но только если ты согласишься взять его в мужа.

По материнской линии Дженни была графиней и наследницей богатого поместья, граничащего с владениями Макферсона.

— Ему нужны мои земли? — почти безнадежно спросила она, вспоминая, как жутко ощупывал глазами ее тело Макферсон, когда останавливался в аббатстве год назад, нанося ей визит вежливости.

— Точно.

— А мы не можем просто отдать их ему в обмен на помощь? — отчаянно предложила Дженни, готовая добровольно и с радостью, без раздумий пожертвовать собственным состоянием на благо своего народа.

— Он не согласится! — сердито ответил отец. — Сражаться на стороне родни — это честь, но он не сможет послать своих людей на битву за чужое дело, а потом забрать твои земли в уплату себе.

— Однако если ему так уж понадобились мои земли, он, конечно, найдет какой-нибудь способ...

— Ему понадобилась ты. Он прислал мне весточку в Корнуолл. — Отец разглядывал Дженни, отмечая поразительные перемены, превращающие ее тощую, веснушчатую, простоватую ребяческую физиономию в лик необычайной красавицы. — Ты стала очень похожей на мать, крошка, и у старика аппетит разыгрался. Я не просил бы тебя, если б нашелся другой способ. — И он грубовато напомнил: — Ты вечно упрашивала меня объявить тебя лэрдом. Говорила, что нет ничего, чего бы ты не сделала для клана...

Дженни замутило при мысли о том, чтобы отдать свое тело, свою жизнь в руки мужчины, от которого она всегда инстинктивно бежала, но девушка вскинула голову и отважно встретила взгляд отца.

— Хорошо, батюшка, — спокойно сказала она. — Теперь я должна отправиться с вами?

Выражение облегчения и гордости на его лице почти помогли ей смириться с жертвой. Он отрицательно покачал головой:

— Лучше вам с Бренной остаться здесь. У нас лошадей не хватает, а мы торопимся попасть в Меррик, чтобы подготовиться к сражению. Я извещу Макферсона, что насчет свадьбы мы договорились, а потом пришлю сюда кого-нибудь, чтобы доставить тебя к нему.

Он повернулся, вновь сядя на коня, и Дженни поддалась искушению, с которым все время боролась. Вместо того чтобы стоять в сторонке, она направилась к шеренгам всадников, некогда бывших ее друзьями и товарищами по играм. В надежде, что, может быть, кто-то из них слышал, как она согласилась выйти замуж за Макферсона, и это смягчит неприязнь, она задержалась у коня плотного рыжеволосого мужчины.

— Добрый вам день, Ренальд Гарвин, — проговорила она, неуверенно улыбаясь под его устремленным в сторону взглядом. — Как поживает ваша жена?

Желваки заиграли на его скулах, ледяные глаза, посверкивая, глядели поверх ее головы.

— Полагаю, неплохо, — бросил он.

Дженни проглотила явный отпор мужчины, который когда-то учил ее удить рыбу и хохотал вместе с ней, когда она свалилась в воду.

Она оглянулась и умоляюще посмотрела на всадника в колонне позади Ренальда:

— А вы, Майкл Мак-Клеод? Ваша нога не болит больше?

Холодные голубые глаза наткнулись на нее и вперились в пустое пространство.

Она направилась к следующему верховому, но лицо того дышало такой ненавистью, что Дженни, молитвенно сложив руки, проговорила сдавленным, просящим тоном:

— Гаррик Кармайкл, минуло четыре года, как утонула ваша Бекки. Я клянусь вам сейчас, как клялась тогда, что не толкала ее в реку. Мы с ней не ссорились, это ложь, выдумка Александра, чтобы...

Лицо его оставалось твердым как гранит; Гаррик Кармайкл прищепил коня, посылая его вперед, и мужчины, даже не посмотрев на нее, проследовали мимо.

Только старый Джош, оружейник клана, придержал свою древнюю лошадку и, склонившись, опустил мозолистую ладонь на ее непокрытую голову.

— Я знаю, ты говоришь правду, малышка, — сказал он, и его непоколебимая верность вызвала у нее слезы. — Ты норовистая, нечего отрицать, но даже когда была всего-навсего сопливой крошкой, умела держать норов в узде. Гаррик Кармайкл и все прочие одурачены ангельской внешностью Александра, но только не старый Джош. Ты не увидишь меня оплакивающим эту потерю! Клану гораздо больше пойдет на пользу, если во главе его встанет юный Уильям. Кармайкл и все прочие, — уверенно добавил он, — переменят мнение о тебе, когда прознают, что ты выходишь замуж за Макферсона ради спасения их и нашего государя.

— А где мои сводные братья? — хрипло спросила Дженни, меняя тему, чтобы не разрыдаться.

— Они отправились домой другой дорогой. Мы точно не знали, не попытается ли Волк атаковать нас на марше, и потому разделились, оставляя Корнуолл. — Еще раз погладив ее по макушке, он прищепил лошадку.

Дженни словно во сне неподвижно стояла посреди дороги, провожая глазами членов клана, которые исчезали за поворотом.

— Темнеет, — заметила рядом с ней Бренна мягким голоском. — Нам пора возвращаться в аббатство.

Аббатство. Три недолгих часа назад Дженни выходила оттуда веселой и оживленной. Теперь в ней все умерло.

— Иди без меня. Я... я не могу туда идти. Пока не могу. Пожалуй, пойду на холм, посижу там немножко.

— Мать Амброз рассердится, если мы не вернемся до сумерек, а они уже скоро настанут, — с тревогой проговорила Бренна.

Между девушками всегда было так — Дженни нарушала правила, а Бренна ужасно боялась отступить хоть от единого. Бренна была милой, сговорчивой и прекрасной — с белокурыми волосами, ореховыми глазами и чудесным нравом, что делало ее в глазах Дженни олицетворением лучших женских качеств. Она была столь же смиренной и робкой, сколь Дженни — отважной и безрассудной. Без Дженни она не пережила бы ни одного приключения, даже нагоняя не получила бы. А Дженни без Бренны, о которой надо было заботиться и которую надо было защищать, пережила бы значительно больше приключений и получила бы значительно больше нагоняев. Посему обе девушки были целиком и полностью преданы друг другу и старались всеми силами оберегать друг друга от неизбежных последствий своих недостатков.

Бренна поколебалась, а потом добровольно вызвалась слегка дрожащим голоском:

— Я останусь с тобой. Одна ты потеряешь счет времени, и тебя наверняка утащит... медведь в потемках.

В тот момент перспектива погибнуть в лапах медведя представилась Дженни скорее привлекательной, ибо вся ее будущая жизнь казалась погруженной во мрак. Несмотря на желание и необходимость побыть на просторе и попытаться привести мысли в порядок, Дженни отрицательно покачала головой, зная, что, если они останутся, Бренну поглотит страх при мысли о возвращении на глаза аббатисы.

— Нет, идем назад.

Не обращая внимания на решение Дженни, Бренна схватила ее за руку, повернула налево, к склону холма, и впервые пошла вперед, а Дженни последовала за ней.

В рощице у дороги тихонько шелохнулись две тени, двигаясь рядом с поднимающимися на холм девушками.

К тому моменту как они преодолели половину крутого склона, Дженни уже надоело себя жалеть, и она прилагала поистине геркулесовы усилия, чтобы поднять свой упавший дух.

— Если подумать как следует, — медленно заговорила она, бросая взгляд на Бренну, — мне и в самом деле выпал шанс совершить великий и благородный поступок — выйти замуж за Макферсона ради спасения своего народа.

— Ты прямо как Жанна д'Арк, — с готовностью согласилась Бренна.

— Если не считать, что для этого я выхожу замуж за Эдрика Макферсона.

— И соглашаешься на худшую, чем у нее, участь, — ободряюще заключила Бренна.

Глаза Дженни заискрились от смеха при столь удручающем замечании, с восторгом высказанном ее рассудительной сестричкой.

Вдохновленная вернувшейся к Дженни способностью смеяться, Бренна принялась

обдумывать, что еще может ее развеселить. Когда они приближались к вершине холма, отделенной от них густым леском, она вдруг спросила:

— Что хотел сказать батюшка, упомянув, что ты стала очень похожей на свою мать?

— Не знаю... — начала было Дженни, но ее отвлекло внезапное смутное ощущение, что в сгущающейся тьме за ними кто-то следит. Сделав несколько шагов в сторону, она устремила взгляд вниз к роднику и увидела, что деревенские жители разошлись по своим теплым домам. Поплотнее закутавшись в плащ, поежилась на пронзительном ветру и без особого воодушевления продолжала: — Мать аббатиса говорит, что вид у меня немножечко вызывающий и что, покинув аббатство, мне придется остерегаться мужчин.

— И что это все означает?

Дженни беззаботно пожала плечами:

— Не знаю.

Повернувшись и снова шагая вперед, Дженни вспомнила, что все еще держит в руках плат и накидку, и стала повязывать плат.

— А, на твой взгляд, как я выгляжу? — спросила она, с любопытством оглядываясь на Бренну. — Я два года не видела своего лица, только когда ловила в воде отражение. Я сильно переменилась?

— О да, — рассмеялась Бренна. — Теперь даже Александр не назвал бы тебя костлявой или дурнушкой и не сказал бы, что ты рыжая.

— Бренна! — перебила ее Дженни, пораженная собственным равнодушием. — Ты очень горюешь о гибели Александра? Он был твоим братом, и...

— Не говори больше об этом, — дрожащим голосом взмолилась Бренна. — Я заплакала, когда батюшка мне сообщил, но слезы быстро высохли, и я чувствую себя виноватой, потому что любила его не так, как должна была любить. Он был таким... злобным. Грешно плохо говорить о мертвых, но я до сих пор нахожу мало хорошего, что могла бы о нем сказать. — Голосок ее прервался, она запахнула плащ под сырым ветром, посылая Дженни во взгляде немую мольбу сменить тему.

— Ну тогда расскажи мне, как я выгляжу, — быстро нашлась Дженни, на мгновение крепко сжав сестру в объятиях.

Они остановились; путь им преграждала густая чаща, покрывавшая последний участок склона. Медленная задумчивая улыбка расплывалась на прекрасном лице Бренны, исследующей взглядом светло-карих глаз выразительное лицо Дженни, на котором царили огромные очи, чистые, как темно-голубой хрусталь, под изящно изогнутыми золотисто-коричневыми бровями.

— Ну ты... ты довольно хорошенькая!

— Отлично, но ты не замечаешь во мне ничего необычного? — допрашивала Дженни, думая о речах матушки Амброз, повязывая плат и прикалывая поверх него короткую шерстяную накидку. — Чего-нибудь, что заставило бы мужчин вести себя странно?

— Нет, — заявила Бренна, глядевшая на Дженни глазами юной невинной девушки, — ничего.

Мужчина ответил бы совсем иначе, ибо, хотя Дженнифер Меррик и не была хорошенькой в общепринятом значении слова, наружность ее одновременно поражала и манила. У нее был большой рот, призывающий к поцелуям, глаза как прозрачные сапфиры, ошеломляющие и влекущие, волосы, сияющие, как золотисто-рыжий атлас, и стройное чувственное тело, словно созданное для ласк.

— Глаза у тебя синие, — пришла на помощь Бренна, описывая ее, и Дженни фыркнула.

— Они были синими и два года назад, — заметила она.

Бренна попыталась было ответить, но готовые вылететь слова превратились в визг, оборванный мужской рукой, зажавшей ей рот, и кто-то поволок ее под густой покров леса.

Дженни пригнулась, инстинктивно ожидая нападения сзади, но слишком поздно. Ее сбили с ног и утащили в лес.

Похититель перебросил Бренну через седло, словно мешок с мукой; безвольно повисшие руки и ноги свидетельствовали, что она в обмороке. Но скрутить Дженни было не так-то легко. Когда безликий похититель взвалил ее на своего коня, она отпрянула в сторону, высвободилась, скатилась, упала в листья и грязь, поднялась на четвереньки под лошадиными копытами и вскочила на ноги. Он снова схватил ее, и Дженни, извиваясь в объятиях, вонзила ногти ему в лицо.

— Гнев Господень, — прошипел он, пытаясь поймать мельтешащие руки.

Дженни испустила леденящий кровь визг, в тот же момент изо всех сил пнула, нанеся мастерский удар в голень ногой, обутой в грубый черный башмак, который считался подобающей для послушниц обувью. Неизвестный зарычал от боли и на мгновение выпустил ее. Она метнулась прочь и даже успела пробежать несколько ярдов, но зацепилась ногой за толстый корень дерева и упала ничком, ударившись виском о камень.

— Дай мне веревку, — проговорил брат Волка, с мрачной ухмылкой оглядываясь на компаньона. Набросив на голову Дженни мягкий плащ, Стефан Уэстморленд обмотал им ее тело, привязав таким образом руки к туловищу, взял у сообщника веревку и надежно связал получившийся тюк посередине. Покончив с этим, он поднял свою живую ношу, забросил на коня — позорно, ягодицами кверху, — и вскочил в седло позади нее.

— Ройс не поверит в нашу удачу! — прокричал Стефан скачущему рядом всаднику, чья пленница тоже была связана и переброшена через седло. — Подумать только, чтобы девчонки Меррика остановились под тем деревом, готовенькие, словно спелые яблочки, которые только и надо что стряхнуть с ветки. Ну теперь нам нет надобности разведывать укрепления Меррика — он сдастся без боя.

Дженни была плотно замотана темной шерстяной тканью, голова ее билась о бок коня, цокот копыт больно отдавался в желудке, а при упоминании имени «Ройс» у нее кровь застыла в жилах. Ройс Уэстморленд, граф Клеймор. Волк. Ужасающие истории, которые она о нем слышала, уже не казались слишком преувеличенными. Их с Бренной похитили люди, не проявившие ни малейшего уважения к одеждам ордена Сент-Олбенс, которые носили девушки, к одеждам, свидетельствовавшим, что они послушницы — будущие монахини, еще не принявшие обета. «Что за нравы у мужчин, — в неистовстве поражалась Дженни, — поднявших руку на монахинь без зазрения совести, без страха перед возмездием, людским или Божьим! Ни один человек не решится на это. Только дьявол и его присные!»

— Эта, что у меня, в обмороке, точно мертвая, — сообщил Томас с гнусной ухмылкой. — Жаль, у нас не было времени отведать добычу, хотя, на мой вкус, я предпочел бы лакомый кусочек, завернутый в твою скатерку, Стефан.

— Твоя покрасивей из двух, — холодно отвечал Стефан, — и ты не отведаешь ни кусочка, пока Ройс не решит, чего сам пожелает сделать с ними обеими.

Почти задохнувшись от ужаса в своем чехле, Дженни издала короткий, бессмысленный, панический, протестующий крик, но никто его не услышал. Она обратилась к Богу, прося покарать похитителей смертью прямо в седлах, но Господь, кажется, тоже не внял, и кони тяжело скакали вперед без остановки. Она молилась, чтобы ей открылся какой-нибудь путь к спасению, однако голова ее была слишком занята судорожным, мучительным припоминанием жутких легенд о смертоносном Черном Волке: «Он держит пленников лишь для того, чтобы пытать их. Он хохочет, когда его жертвы визжат от боли. Он пьет их кровь...»

К горлу Дженни подступил комок, и она принялась заклинять уже не о побеге, ибо в душе знала, что побег невозможен. Вместо этого она молилась, чтобы поскорее пришла смерть и ей не довелось опозорить гордое имя семьи. В памяти всплыл голос отца, наставлявшего ее сводных братьев, когда они были совсем юными: «Будь на то воля Господня, чтоб вы погибли в руках врага, сделайте это храбро. Умирая, бейтесь как воины. Как Меррики! Умрите в бою...»

Слова эти торжественно гремели в ее сознании час за часом, снова и снова, и когда кони замедлили шаг и она безошибочно распознала далекий шум большого, полного мужчин лагеря, ярость стала преодолевать страх. Она подумала, что чересчур молода, чтобы умереть, и что это несправедливо! А теперь настал черед погибнуть и нежной Бренне, и это тоже случится по вине Дженни. Ей придется предстать перед милосердным Господом с таким грехом на совести. И все потому только, что по ее земле рыщет кровожадный великан-людоед, пожирая каждого на своем пути.

Лошади резко встали, и без того сильно бьющееся сердце ее заколотилось вдвое быстрее. Со всех сторон доносились звон металла о металл, топот солдат, а потом она услышала голоса пленников — мужчин, слезно моливших о пощаде:

— Сжался, Волк... Смилуйся, Волк...

Жуткий хор превратился в вопль, а Дженни бесцеремонно стащили с коня.

— Ройс, — крикнул ее захватчик, — постой... мы тебе кое-что привезли!

Полностью ослепшую из-за накинутаго на голову плаща Дженни, все еще со связанными руками, взвалили на плечо; до нее донесся вопль Бренны, выкрикивающей ее имя, и их потащили вперед.

— Смелей, Бренна! — прокричала Дженни, но плащ приглушил голос, и она знала, что перепуганная сестра не услышит ее.

Дженни резко опустили на землю, подтолкнули вперед. Ноги ее затекли, она пошатнулась и тяжело рухнула на колени. «Умри, как Меррик. Умри отважно. Умри в бою», — песней звучало в ее душе, пока она безуспешно пыталась подняться. Над ней впервые раздался голос Волка, и она поняла сразу, что это он. Голос был ошеломляющим, страстным, казалось, он шел прямо из преисподней.

— Что там? Надеюсь, какая-нибудь еда.

Веревка, связывающая руки, вдруг разом ослабла. Раздираемая демонами-близнецами — страхом и злостью, — Дженни неуклюже поднялась на ноги, размахивая запутавшимися в плаще руками, словно взбешенное привидение, пытающееся избавиться от савана. И в тот же миг, когда плащ упал, сжала кулачки, яростно бросилась на черного дьявола, на гигантскую, вздымающуюся перед ней тень и ударила в крепкую костистую челюсть.

Бренна лишилась чувств.

— Чудовище! — завопила Дженни. — Варвар! — И вновь замахнулась, но на сей раз кулак ее был пойман, ловко и больно стиснут, занесенная рука заломлена за голову. — Дьявол! — прокричала она, вывернулась и нанесла сильный удар в подбородок. — Сатанинское отродье! Похититель невинных...

— Да что ж это... — взревел Ройс Уэстморленд, схватил противницу за талию и оторвал от земли, держа в воздухе на расстоянии вытянутой руки. Это была ошибка. Нога, обутая в башмак, снова дернулась и угодила Ройсу прямехонько в пах, отчего он сложился едва ли не пополам.

— Ах сучка! — прогремел он, бросая ее от изумления, боли и злости; потом вцепился в шерстяную накидку, прихватив вместе с ней и прядь волос, запрокинул Дженни голову и прорычал: — Замри!

Казалось, сама природа ему повинуется — смолкли пронзительные крики пленников, стихло звяканье железа, и на огромной поляне воцарилась мертвая тишина. Сердце Дженни бешено стучало, кожу на голове саднило, она зажмурилась в ожидании удара могучего кулака, который ее, несомненно, убьет.

Но его не последовало.

Умирая отчасти от страха, отчасти от смертельного любопытства, она медленно открыла глаза и впервые по-настоящему увидела его лицо. Демонический призрак, чуть не заставил ее взвизгнуть от ужаса. Он был огромен. Чудовищен. Волосы у него были черные, и черный плащ жутко развевался позади от ветра, словно жил собственной жизнью. Отблески пламени плясали на смуглом ястребином лице, вспыхивали в странных глазах, отчего они сияли на изможденном бородатом лице, как серебряные монеты. Громадный богатырь с мускулистыми руками — Дженни хватило одного взгляда, чтобы понять, что он и вправду способен на любое приписываемое ему злодейство.

«Умри храбро! Умри быстро!»

Она крутнула головой и вцепилась зубами в мощное запястье.

Горящие глаза на мгновение расширились, потом взлетела рука и хлестнула ее по щеке с такой силой, что голова мотнулась в сторону. Дженни упала на четвереньки, инстинктивно свернулась клубком, ища спасения, крепко зажмурилась, ожидая смертоносного удара, который добьет ее, а страх, казалось, сочился изо всех пор ее трясущегося тела.

Голос гиганта звучал теперь еще ужаснее, ибо превратился в яростное шипение.

— На кой черт ты это сделал? — обрушился Ройс на младшего брата. — Разве у нас и без того мало трудностей? Люди голодны и измотаны, а ты привозишь двух женщин, чтобы сильнее распалить недовольство!

Прежде чем брат успел заговорить, Ройс отвернулся, отдав краткий приказ другому мужчине оставить их, потом взгляд его упал на две ничком распростертые у его ног женские фигурки. По какой-то причине вид трясущейся девушки разъярил его больше, чем ее потерявшей сознание компаньонки.

— Вставай! — бросил он Дженни, подталкивая ее носком сапога. — Минуту назад ты была очень храброй! — Дженни медленно разогнулась и, уперевшись рукой в землю, с трудом встала на ноги, неуверенно пошатнулась, а Ройс вновь повернулся к брату: — Я жду ответа, Стефан!

— И я тебе отвечу, если ты прекратишь на меня рычать. Эти женщины...

— Это монахини! — воскликнул Ройс, внезапно наткнувшись глазами на тяжелое распятие, свисавшее на черном шнурке с шеи Дженни, и поднимая взгляд к перепачканному землей плату и сбившейся накидке. Открытие на мгновение почти оглушило его. — Гнев Господень, ты притащил сюда монахинь, чтобы попользоваться ими вместо шлюх?

— Монахинь? — задохнулся от изумления Стефан.

«Шлюх?!» — задохнулась от ярости Дженни. Нет, конечно же, он не может настолько погрязнуть в безбожных деяниях, чтобы отдать их вместо потаскух своим солдатам!

— Я бы убил тебя за это безумие, Стефан, и да поможет мне...

— Ты передумаешь, когда я расскажу тебе, кто они такие, — проговорил Стефан, отводя испуганные глаза от серых одежд и распятия на груди Дженни. — Та, что стоит пред тобой, дорогой брат, — объявил он, снова преисполняясь гордости, — леди Дженнифер, старшая и возлюбленная дочь лорда Меррика.

Ройс уставился на младшего брата, опустил руки, разжав кулаки, повернулся и принялся пристально вглядываться в грязное лицо Дженни:

— Либо тебя обдурили, Стефан, либо земля полнится фальшивыми слухами, ибо молва утверждает, что дочь Меррика редкостнейшая в стране красавица.

— Нет, не обдурили. Она в самом деле его дочь, я слышал из ее собственных уст.

Ухватив двумя пальцами трясущийся подбородок Дженни, Ройс изо всех сил пытался рассмотреть черты перепачканной физиономии, исследуя их при свете факелов, по мере чего брови его хмурились, а губы кривились в невеселой ухмылке.

— Кому только пришло в голову назвать тебя красавицей, — проговорил он с намеренной убийственной издевкой. — Шотландским сокровищем!

Он заметил, как от этих слов в ее глазах мелькнула вспышка гнева, она, вырываясь, дернула головой, но отважный поступок не тронул, а разозлил его. Все, что было связано с именем Меррика, приводило его в ярость, заставляло кипеть жаждой мести, и он обеими руками обхватил бледные, покрытые грязью щеки девушки, грубо дернул к себе ее голову и грозно потребовал:

— Отвечай!

Бренне в ее близком к истерике состоянии вдруг показалось, что Дженни каким-то образом приходится расплачиваться за вину, за которую по справедливости должна держать ответ она, Бренна, и, цепляясь за юбку сестры, девушка неуверенно поднялась на нетвердых ногах и прилепилась к Дженни сбоку всем телом словно сиамский близнец.

— Так называют не Дженни, — прохрипела она, уверенная, что длительное молчание сестры обязательно приведет к жестокому возмездию со стороны свирепого великана, стоящего перед ними. — Так... так называют меня.

— А ты кто такая, черт побери? — бешено спросил он.

— Она никто! — выпалила Дженни, нарушая восьмую заповедь^[5] в надежде, что Бренну, возможно, освободят, если поверят, что она монахиня, а не Меррик. — Просто сестра Бренна из Белкиркского аббатства!

— Правда? — обратился Ройс к Бренне.

— Да! — крикнула Дженни.

— Нет, — слабо шепнула Бренна.

Сжав кулаки, Ройс Уэстморленд на миг закрыл глаза. После форсированного марша у него не осталось ни продовольствия, ни крыши над головой, ни терпения. А теперь еще это. Теперь он даже не может добиться толкового, честного ответа от двух перепуганных женщин. Он вдруг понял, до чего устал, до чего вымотался за три дня и три бессонные ночи, и повернул осунувшееся лицо с горящими глазами к Бренне.

— Если ты еще надеешься прожить хоть час, — произнес он, безошибочно догадавшись, что из сей парочки она скорее испугается и поэтому вряд ли сумеет пуститься на хитрость, — ты сейчас скажешь мне правду. — Острый взгляд впился в распахнутые от ужаса ореховые глаза Бренны и парализовал ее. — Ты дочь лорда Меррика или нет?

Бренна перевела дыхание, попробовала заговорить, но не могла вымолвить ни слова дрожащими губами. Чувствуя полное поражение, она наклонила голову и просто кивнула. Удовлетворенный Ройс метнул убийственный взгляд на чертову кошку в скромном монашеском одеянии и отвернулся, отдавая короткий приказ брату:

— Свяжи их и сунь в палатку. Поставь Арика на страже, чтобы уберечь их от мужчин. Они обе нужны мне живыми для завтрашнего допроса.

«Они нужны мне живыми для завтрашнего допроса...» — эхом отдавалось в смятенном сознании Дженни, лежавшей связанной кожаным шнурком по рукам и ногам рядом с бедняжкой Бренной в палатке на земле и глядевшей в безоблачное, беззвездное небо через дыру в палаточном пологe. «Что за допрос задумал Волк?» — принялась она гадать, когда усталость пересилила наконец страх. Какие пытки применит он, чтобы добиться от них точных ответов, и какие ответы могут ему понадобиться? Она была уверена — завтра настанет последний день в их жизни.

— Дженни! — дрожащим голосом шепнула Бренна. — Ты ведь не думаешь, что он собирается завтра убить нас, правда?

— Нет, — соврала Дженни.

Лагерь Волка зашевелился и стал возвращаться к жизни еще прежде, чем на небе погасли последние звезды, но Дженни за всю ночь проспала не более часа. Дрожа под укрывавшим ее собственным тонким и легким плащом, она глядела в чернильно-синие небеса и попеременно то извинялась пред Господом за свои многочисленные прегрешения, то умоляла Его избавить бедняжку Бренну от неизбежных последствий своего же безумного решения прогуляться вчера в потемках на холм.

— Бренна, — прошептала она, когда шаги мужчин снаружи стали громче, свидетельствуя об окончательном пробуждении лагеря, — ты проснулась?

— Да.

— Когда Волк примется нас допрашивать, предоставь отвечать мне.

— Да, — вновь повторил ломкий голосок.

— Я точно не знаю, что он захочет выпытать, но это обязательно будет нечто, чего мы ему не должны говорить. Я, может, смогу догадаться, почему он задает тот или иной вопрос, и тогда соображу, как сбить его с толку.

Рассвет чуть окрасил небо в розоватый цвет. Пришли двое мужчин, развязали их, разрешили обеим на пару минут шмыгнуть по нужде в кусты на краю широкой поляны, потом Дженни снова связали, а Бренну повели на встречу с Волком.

— Пойдите, — выдохнула Дженни, осознав их намерения, — прошу вас, возьмите меня. Моя сестра... м-м-м... больна.

Один из солдат, башнеподобный гигант более семи футов ростом, который не мог быть не кем иным, как легендарным колоссом по имени Арик, окинул ее убийственным взглядом и пошел прочь. Второй страж потащил бедняжку Бренну, и Дженни через откинутый полог палатки видела, какими похотливыми взглядами провожали сестру собравшиеся в лагере мужчины, когда она шла среди них со связанными за спиной руками.

Получасовое отсутствие Бренны показалось Дженни вечностью, но, к ее несказанному облегчению, Бренна вернулась без каких-либо следов физического насилия.

— С тобой все хорошо? — тревожно спросила Дженни после ухода стражника. — Он не причинил тебе зла, правда?

Бренна перевела дыхание, потрясла головой и тут же разразилась рыданиями.

— Нет... — истерически вскрикивала она, — только очень разгневался, потому что я... я никак не могла сдержать слезы.

Я так испугалась, Дженни, он такой огромный, такой злющий, и я никак не могла перестать плакать, а он еще больше злился...

— Успокойся, — утешила ее Дженни. — Все уже кончено, — солгала она и с унынием подумала, каким привычным и легким делом становится для нее ложь.

Стефан откинул полог палатки Ройса и вошел внутрь.

— Боже мой, да она красавица, — заметил он, имея в виду Бренну, которая только что удалилась. — Плохо только, что монахиня.

— Она не монахиня, — раздраженно бросил Ройс. — Она умудрилась между всхлипываниями и рыданиями разъяснить, что она послушница.

— Это еще что такое?

Ройс Уэстморленд был закаленным в битвах воином, личное знакомство которого с религиозными установлениями сводилось практически к нулю. С мальчишеских лет весь его мир составляла война, так что он перевел слезные разъяснения Бренны на знакомый и понятный воину язык:

— Похоже, послушник — это новобранец, еще не закончивший строевой подготовки и не присягнувший в вассальной верности своему сеньору.

— Ты веришь, что она говорит правду?

Ройс поморщился и отхлебнул эля.

— Она чересчур перепугана, чтобы врать. Кстати, и чтобы говорить тоже.

Стефан прищурился, выражая то ли подозрительность по отношению к девушке, то ли удивление неудачей брата, не сумевшего разузнать ничего полезного:

— И чересчур хороша, чтобы пожестче спрашивать?

Ройс метнул в него сардонический взгляд, но в голове его роились неотвязные мысли.

— Я хочу знать, хорошо ли укреплен замок Меррика и где лежат его земли — все, что мы сможем выведать, пойдет на пользу. Иначе тебе придется довести до конца путешествие в Меррик, которое ты начал вчера. — Он решительно грохнул кружкой о сооруженный из козел стол. — Приведи мне сестру, — приказал он со зловещей решимостью.

Бренна в ужасе вскинулась, когда гигант Арик вторгся в палатку, и земля словно задрожала под его шагами.

— Нет, пожалуйста... — отчаянно шепнула она, — не водите меня к нему...

Не обращая на Бренну никакого внимания, он остановился над Дженни, схватил ее за руку своей огромной лапищей и поставил на ноги. Слегка охваченная паникой, Дженни сообразила, что легенда не преувеличивала размеров боевого топора Арика — рукоять его в самом деле была толстой, как крепкий ствол дерева.

Волк беспокойно расхаживал по своей просторной палатке, но мгновенно замер, когда внутрь втолкнули Дженни, и принялся разглядывать девушку, гордо выпрямившуюся со связанными позади руками. Хотя она тщательно стерла с лица всякое выражение, Ройс с изумлением приметил скрытое в вызывающе устремленных на него синих глазах презрение. Презрение — и никаких признаков слез. Он вдруг припомнил, что ему доводилось слышать о старшей дочери Меррика. Младшую называли «шотландским сокровищем», но ходила молва, будто старшая — холодная гордячка, наследница столь богатая и родовитая, что ни один мужчина ее не достоин. А кроме того, намекали, что старшая — дурнушка, отвергшая единственное брачное предложение, которое смогла получить, и сосланная отцом в монастырь. Глядя на покрытое грязью лицо, нельзя было судить, уродлива она или нет, но он мог определенно сказать, что она не обладает ни ангельской красотой, ни ангельским характером своей сестры. Та девушка жалобно плакала — эта уставилась на него.

— Гнев Господень, вы правда сестры?

Подбородок ее вздернулся еще выше.

— Да.

— Поразительно, — насмешливо заметил он, с неожиданным любопытством уточнив: — Родные сестры? — И, встретив упрямое молчание, прикрикнул: — Отвечай!

Дженни, утраченная гораздо сильнее, чем можно было бы утверждать по ее внешнему виду, вдруг засомневалась, собирается он пытаться ее или предать смерти после безобидных расспросов о родственных связях.

— Сводная, — призналась она, а потом прилив дерзкой отваги пересилил страх: — Мне

трудно сосредоточиться, пока у меня связаны руки. Это больно и совершенно не нужно.

— Правильно, — с нарочитой грубостью заметил он, вспоминая пинок в пах. — Тебе надо бы ноги связать.

Он произнес это с таким раздражением, что у нее дрогнули губы в удовлетворенной усмешке. Ройс не поверил своим глазам. Взрослые мужчины, воины трясутся в его присутствии, а эта молоденькая девчонка, высокомерно вскинув голову, поистине наслаждается, бросая ему вызов! Внезапно и любопытство, и терпение его испарились.

— Ну хватит любезничать, — резко сказал он и стал медленно приближаться к ней.

Дженни отступила на шаг, остановилась и принудила себя стоять на месте.

— Я хочу получить ответы на некоторые вопросы. Сколько вооруженных людей держит ваш отец в замке Меррик?

— Не знаю, — твердо отвечала Дженни, но тут же испортила столь эффектную сцену, опасливо сделав еще шаг назад.

— Ваш отец думает, что я собираюсь идти на него?

— Не знаю.

— Не испытывайте моего терпения, — предупредил он вкрадчиво и зловеще. — Или предпочитаете, чтобы я задавал вопросы вашей нежной малютке сестричке?

Угроза принесла желаемый результат; вызывающее выражение на ее лице сменилось отчаянием.

— Почему бы ему не думать, что вы собираетесь напасть на него? Об этом годами ходят слухи. А теперь у вас есть оправдание! Хотя я не считаю, что вы в нем нуждаетесь. — И Дженни, перепуганная сверх всякой меры, когда он вновь начал приближаться, завопила: — Ты зверь! Ты наслаждаешься, убивая невинных людей! — Он не стал отрицать сего заявления, и внутри у нее все сжалось.

— Ну раз ты так много знаешь, — проговорил он угрожающе мягким голосом, — может быть, скажешь мне: сколько вооруженных людей у твоего отца?

Дженни быстренько подсчитала, что должно бы остаться не менее пятисот.

— Двести, — брякнула она.

— Глупая, безрассудная дурочка! — прошипел Ройс, схватив ее за плечи и хорошенько встряхнув. — Я могу разорвать тебя пополам голыми руками, а ты мне все равно врешь!

— Чего вы от меня ждете? — воскликнула Дженни, дрожа всем телом, но по-прежнему сопротивляясь. — Чтобы я предала собственного отца?

— Прежде чем ты выйдешь из этой палатки, — пообещал он, — расскажешь мне все, что знаешь о его планах, добровольно или с небольшой помощью с моей стороны, которая тебя не обрадует.

— Не знаю я, сколько людей он собрал! — беспомощно вскрикнула Дженни и тут же выпалила: — Это правда! До вчерашнего дня отец не видел меня два года, да и прежде нечасто со мной разговаривал...

Ответ этот так удивил Ройса, что он вытаращил на нее глаза:

— Почему?

— Я... я рассердила его, — призналась она.

— Тут я его хорошо понимаю, — ворчливо проговорил он, считая ее самой неговорчивой особой женского пола, с какой когда-либо имел несчастье сталкиваться. И с удивлением отметил про себя самый манящий рот, какой он когда-либо видел, и, пожалуй, самые синие в мире глаза.

— Он с тобой не разговаривал, годами не обращал на тебя никакого внимания, а ты все же рискуешь собственной жизнью, защищая его от меня?

— Да.

— Почему?

Дженни могла дать на это несколько правдивых и безопасных ответов, но злость и боль лишили ее рассудка.

— Потому что, — дерзко отвечала она, — я презираю вас и презираю все, что с вами связано.

Ройс пристально смотрел на нее, испытывая нечто среднее между яростью, изумлением и восхищением безрассудной отвагой. Убить ее сразу означало лишиться возможности получить необходимые ему ответы. Растерявшись, он не знал, как с ней справиться, и, хотя шанс придушить ее прямо на месте выглядел в данный момент весьма привлекательным, об этом не могло быть и речи. В любом случае, держа в плену дочерей Меррика, можно надеяться, что Меррик сдастся, не вступая в сражение.

— Поди прочь, — коротко бросил он.

Не нуждаясь в особом приглашении, чтобы избавиться от его ненавистного присутствия, Дженни повернулась, бросилась из палатки, но остановилась перед опущенным пологом.

— Я сказал, убирайся! — угрожающе предупредил Ройс, и она обернулась:

— Я не желала бы ничего другого, только плохо умею просачиваться сквозь тряпки.

Не проронив ни слова, он подошел, приподнял полог и, застав ее врасплох, с убийственной издевкой отвесил низкий поклон:

— Ваш слуга, мадам. Если чем-нибудь могу помочь, чтобы сделать ваше пребывание среди нас приятным, надеюсь, вы без колебаний доведете это до моего сведения.

— Тогда развяжите мне руки, — велела Дженни, поразив его чрезвычайно.

— Нет, — отрезал Ройс. Полог упал, шлепнув ее по боку, и Дженни помчалась вперед, рассерженная и удивленная; испустила сдавленный крик, схваченная невидимой рукой, но то был просто один из десятка стражей, расставленных вокруг шатра Волка.

Когда Дженни вернулась к себе в палатку, Бренна изнемогала от страха и одиночества.

— Со мной все в полном порядке, уверяю тебя, — успокоила ее Дженни, неуклюже опускаясь на землю.

В долине, где был той ночью разбит лагерь воинов Волка, через равные промежутки времени вспыхивали огни. Стоя в проеме палатки со связанными за спиной руками, Дженни задумчиво наблюдала за разворачивающейся вокруг бурной деятельностью.

— Если мы собираемся бежать, Бренна... — начала она.

— Бежать? — задохнувшись, повторила сестра. — Пресвятая Матерь Божья, как же мы можем это сделать, Дженни?

— Пока точно не знаю, но мы это сделаем, и нам надо поторопиться. Солдаты за палаткой говорили, что нас используют, чтобы вынудить отца сдаться.

— И он согласится?

— Неизвестно. Было время — пока Александр не переехал в Меррик, — когда мои родичи скорее сложили бы оружие, чем позволили нанести мне вред. Теперь я для них ничего не значу.

Бренна слышала глухой голос сестры, и, хотя ей хотелось утешить Дженни, она знала, что Александр так восстановил членов клана Мерриков против их юной госпожи, что они о ней более не заботятся.

— Но тебя-то они любят, так что нелегко догадаться, какое примут решение и как повлияет на них отец. Если мы попытаемся бежать как можно скорее, то попадем в Меррик прежде, чем что-то произойдет.

Больше всего беспокоила Дженни обратная дорога в Меррик, которая по ее прикидкам должна занять отсюда два дня езды верхом. Каждый час, который придется провести в пути, будет полон риска; кругом рыщут бандиты, и даже честному человеку две одинокие женщины покажутся легкой добычей. Дороги просто опасны. Равно как и постоянные дворы. Единственное надежное укрытие можно найти в аббатствах и монастырях, где предпочитают останавливаться добропорядочные и уважаемые путники.

— Трудность в том, что у нас нет шансов бежать со связанными руками, — продолжала рассуждать вслух Дженни, оглядывая занятый делом лагерь. — Значит, нам надо либо уговорить их развязать нас, либо нырнуть в рощу во время обеда, когда мы не будем связаны. Но если мы так поступим, наше отсутствие обнаружат тотчас же, как придут забирать посуду, и мы не успеем далеко уйти. И все-таки, если на следующий день-другой нам выпадет только эта единственная возможность, скорее всего ей придется воспользоваться, — весело объявила она.

— А что мы будем делать, нырнув в рощу? — спросила Бренна, храбро подавляя страх при мысли оказаться одной ночью в лесу.

— Еще не знаю... наверно, спрячемся где-нибудь, пока они будут искать нас. Или изловчимся их провести, заставив подумать, что побежали не на север, а на восток.

Если удастся выкрасть у них пару коней, мы вернее опередим их, хотя спрятаться будет труднее. Фокус в том, чтобы найти способ и прятаться, и обгонять.

— Как же мы это сделаем? — спросила Бренна, сильно наморщив лоб и с трудом соображая.

— Не знаю, попробуем как-нибудь.

Погрузившись в раздумья, Дженни невидящими глазами глядела мимо высокого бородатого мужчины, который остановился поговорить с одним из рыцарей и внимательно

присматривался к ней.

Замерцал огонь, явился охранник забрать тарелки и снова связать им руки, но ни у той, ни у другой не появилось приемлемого предложения, хотя они обсудили несколько самых причудливых и нелепых.

— Не можем же мы добровольно здесь оставаться в заложницах, чтобы он нами пользовался ради своей выгоды, — взорвалась Дженни, лежа ночью бок о бок с сестрой. — Мы должны бежать.

— Дженни, тебе приходило в голову, что он с нами сделает, когда... если, — быстро поправила Бренна, — поймает?

— Я не думаю, что он нас убьет, — после минутного размышления заверила ее Дженни. — Ему наша смерть невыгодна. Отец потребует, чтобы ему нас показали, прежде чем согласится сдаться, и графу придется нас предъявить — целых и невредимых, — иначе батюшка разорвет его на куски, — объясняла она, решив, что лучше — не так страшно — именовать его графом Клеймором, а не Волком.

— Ты права, — согласилась Бренна и тут же заснула.

Минуло несколько часов, прежде чем Дженни смогла тоже погрузиться в сон, ибо, несмотря на показную уверенность и храбрость, она страшилась как никогда в жизни. Она боялась за Бренну, за себя, за свой клан и имела самое смутное представление о способах бегства.

Что до захватчика, он и правда скорее всего не убьет их, если поймает; у мужчин существуют другие способы поквитаться с беззащитными женщинами. Перед ее мысленным взором встало темное лицо, почти полностью скрытое двухнедельной порослью густой черной щетины; она содрогнулась при воспоминании о странных глазах, казавшихся прошлой ночью серебряными. Сегодня глаза его были сердито-серыми, цвета грозового неба, а на один краткий миг, когда он взглянул на ее губы, выражение в глубине глаз изменилось, и эта почти неуловимая перемена сделала его еще страшнее прежнего. «Просто черная борода, — подбадривала она себя, — придает ему столь пугающий вид, пряча черты лица. Без этой темной бороды он, несомненно, выглядит, как любой другой пожилой человек лет... тридцати пяти? Сорока?» Она слышала легенды о нем, будучи трех-, четырехлетним ребенком, значит, он в самом деле должен быть очень стар! Сообразив это, она почувствовала себя лучше. «Просто-напросто борода делает его таким грозным», — успокаивала она себя. Борода, и огромный рост, и сложение, и странные серебряные глаза.

Пришло утро, и она пробудилась, все еще не имея реально осуществимого плана, который удовлетворял бы необходимым требованиям — двигаться как можно быстрее, легко прятаться, не попасть в лапы к бандитам или в еще худшую переделку.

— Если бы только у нас была какая-нибудь мужская одежда, — не в первый раз повторяла Дженни, — мы гораздо успешней могли бы бежать и добраться до цели.

— Не можем же мы взять и попросить стражника отдать нам свою, — с отчаянием проговорила Бренна, миролюбивый характер которой тоже начал меняться под воздействием страха. — Ах, хотела бы я иметь с собой вышивание, — добавила она с прерывистым вздохом. — Я так нервничаю, что не в силах сидеть спокойно. Кроме того, мне обычно лучше всего думается с иглой в руках. Как ты полагаешь, наш страж раздобудет для меня иголку, если я хорошенько его попрошу?

— Едва ли, — с отсутствующим видом отвечала Дженни, теребя по привычке кромку платка и глядя на мужчин, латающих изорванную в боях одежду. — Если кому-то и

требовалась иголка с ниткой, так именно этим солдатам. А потом, что ты собираешься шить... — Голос Дженни прервался, душа возликовала, и ей удалось стереть с лица радостную улыбку, лишь медленно оборачиваясь к Бренне.

— Бренна, — проговорила она с тщательно сохраняемым безразличием, — ты верно надумала попросить стражника раздобыть иголку с ниткой. Он кажется довольно приятным человеком, и я знаю, что ты ему нравишься. Почему бы тебе не позвать его и не попросить принести нам две иголки?

Дженни ждала, пока Бренна подбиралась к пологу палатки и махала стражнику. Скоро она поведаст сестре свой план, но не сейчас; лицо Бренны может выдать ее, если она попытается лгать.

— Это другой страж... Я его совсем не знаю, — расстроенно прошептала Бренна, когда мужчина приблизился. — Послать его привести доброго охранника?

— Обязательно, — усмехаясь, подтвердила Дженни.

Сэр Юстас рассматривал с Ройсом и Стефаном карты местности, когда стражник сообщил, что его спрашивает леди.

— Ее наглости нет предела! — отрывисто рявкнул Ройс, имея в виду Дженни. — Она уже гоняет стражников с поручениями, и, больше того, они бегают у нее на посылках! — Произнеся эту тираду, он коротко поинтересовался: — Я догадываюсь, тебя послала синеглазая с грязной физиономией?

Сэр Лайонел хмыкнул и покачал головой:

— Я видел два чистеньких личика, Ройс, а у той, что со мной говорила, глаза зеленоватые, а не синие.

— А, ясно, — саркастически произнес Ройс, — не Высокомерие, а Красота заставила тебя уйти с поста. Чего она хочет?

— Она не сказала. Говорит, что желает повидать Юстаса.

— Возвращайся на пост и стой там. Передай ей, пускай обождет, — бросил он.

— Ройс, это всего-навсего две беспомощные женщины, — напомнил рыцарь, — совсем молоденькие. А ты никому не доверяешь стеречь их, кроме Арика или одного из нас, — продолжал он, имея в виду рыцарей, составлявших отборную личную охрану Ройса и входивших в число доверенных его друзей. — Держишь связанными, под стражей, словно опасных мужчин, превосходящих нас силой и способных бежать.

— Я никому более не могу доверять этих женщин, — проговорил Ройс, машинально растирая шею, и внезапно сорвался с кресла. — Надоело мне в этой палатке. Пойду с вами погляжу, чего им надобно.

— И я тоже, — вызвался Стефан.

Дженни увидела, как приближается граф; длинные, не знающие устали ноги быстро несли его к их палатке, справа шагали два стража, слева — его брат.

— Ну? — буркнул Ройс, входя в палатку вместе с тремя мужчинами. — Что на сей раз? — обратился он к Дженни.

Бренна в панике заметалась, прижав руки к сердцу, с взволнованным невинным лицом, торопясь принять на себя вину за причиненное беспокойство.

— Я... это я его спрашивала, — она кивнула в сторону стража, — сэра Юстаса.

Испустив нетерпеливый вздох, Ройс оторвал глаза от Дженни и перевел их на ее глупенькую сестру:

— Может, потрудитесь объяснить мне, зачем?

— Да.

Ройс понял, что это, собственно, все, что она собиралась сказать.

— Прекрасно, так объясните.

— Я... мы... — Она бросила совершенно несчастный взгляд на Дженни и продолжала:

— Мы... очень хотели бы получить иголки и нитки.

Ройс подозрительно окинул взглядом наиболее подходящую для измышления некоего способа употребления иголки с целью причинить ему физические страдания особу, но леди Дженнифер Меррик отвечала ему нынче смиренным взглядом и покорным выражением лица, и он ощутил непонятное разочарование столь скорым отказом ее от бравады.

— Иголки? — повторил он, нахмурившись.

— Да, — подтвердила Дженни, тщательно выверяя интонации, чтобы в голосе не прозвучало вызова, только тихая вежливость и покорность судьбе. — Дни тянутся долго, а нам нечем заняться. Сестра моя Бренна предложила проводить время за шитьем.

— За шитьем? — повторил Ройс, недовольный собой за то, что держит их связанными и под строгой охраной. Лайонел прав: Дженни просто юная бесшабашная, упрямая девчонка, у которой дерзости больше, чем здравого смысла. Он переоценил ее потому только, что никогда ни один пленник не осмеливался ударить его.

— Вы что, думаете, вам тут королевская мастерская? — буркнул он. — Нет у нас никаких этих... как их... — Он безуспешно припоминал названия всяческих хитроумных приспособлений, с которыми женщины при дворе ежедневно часами занимаются вязанием да вышивкой.

— Пяльцев для вышивания? — с готовностью подсказала Дженни.

— Боюсь, пяльцев для вышивания у нас не найдется.

— Тогда, может быть, небольшой станок для стежки? — добавила она, невинно тараща глаза и сдерживая смех.

— Нет!

— А есть ли хоть что-нибудь, над чем мы могли бы поработать иголкой с ниткой? — быстро продолжила Дженни, когда он отвернулся, собираясь выйти. — Мы с ума сходим, проводя день за днем в безделье. Нам не важно, что шить. У вас наверняка найдется что починить.

Он повернулся кругом, удивленный, обрадованный и сомневающийся.

— Вы вызываетесь заняться починкой?

Услышав от него такое предположение, Бренна явила собой картину потрясенной невинности, и Дженни попробовала ее скопировать:

— Ну... я об этом не думала...

— Починки тут хватит на год для сотни швей, — уверенно заявил Ройс, решив в тот же миг, что девушкам надо бы заработать свой хлеб и кров — какими бы они ни были, — и починка как раз будет справедливой формой оплаты. И, обратившись к Годфри, велел: — Позаботься об этом.

Бренна была чрезвычайно удивлена тем, что ее предложение привело в результате к их практическому вступлению во вражескую армию; Дженни предпринимала серьезные усилия прикинуться сокрушенной, но как только четверо мужчин оказались за пределами слышимости, она схватила сестру и бурно заключила в объятия.

— Мы только что преодолели два из трех препятствий на пути к бегству, — объявила она. — Руки наши не будут связаны, и мы получим возможность устроить маскарад, Бренна.

— Маскарад? — начала было Бренна, но Дженни не пришлось пояснять; глаза Бренны вспыхнули, и она тоже обняла сестру, тихонько смеясь. — Мужские одежды! — хихикала она. — И он сам их нам предложил!

Через час в их палатке громоздились две небольшие горы одежд и третья гора разорванных солдатских одеял и плащей. Одна куча платья принадлежала лично Ройсу и Стефану Уэстморлендам, другая — рыцарям Ройса, которые, как с облегчением обнаружила Дженни, имели размеры, колеблющиеся от средних до малых.

Дженни с Бренной заработались до поздней ночи, напрягая зрение в мерцающем свете. Они уже залатали одежды, которые выбрали для побега, и сунули с глаз подальше, теперь же усердно трудились над грудой, составлявшей собственность Ройса.

— Как ты думаешь, сколько сейчас времени? — спросила Дженни, тщательно зашивая наглухо рукав рубашки. Перед ней было множество других принадлежностей, претерпевших столь же вдохновенную творческую переделку, включая несколько пар штанов, искусно зауженных в колене, чтобы в них невозможно было просунуть ногу.

— Часов десять, не меньше, — ответила Бренна, перекусывая нитку. — Ты права, — улыбнулась она и развернула одну из рубаш графа, на спине которой теперь красовались вышитые черными нитками череп над скрещенными костями, — он ничего не заметит, когда наденет.

Дженни расхохоталась, а Бренна вдруг погрузилась в раздумья.

— Я думаю о Макферсоне, — пояснила она, и Дженни прислушалась, ибо, когда Бренну не одолевал страх, она бывала поистине мудрой. — Мне кажется, после всего этого тебе не придется выходить замуж за Макферсона.

— Почему тебе так кажется?

— Потому что отец непременно уведомит короля Иакова — а возможно, и самого папу, — что нас похитили из аббатства, и это может вызвать такой скандал, что король Иаков пошлет в Меррик свое войско. Аббатство неприкосновенно, мы находились под его защитой. Тогда, раз король Иаков придет нам на помощь, мы не будем нуждаться в клане Макферсонов, правда?

Огонек надежды вспыхнул в глазах Дженни и тут же погас.

— По-моему, мы в тот момент не были на территории аббатства.

— Батюшке неизвестно об этом, и он предположит, что были. Полагаю, и все прочие в это поверят.

Удивленно нахмурившись, Ройс стоял возле своего шатра, обратив взор на палатку поменьше на краю лагеря, где содержались две пленницы. Юстас только что сменил Лайонела и заступил на пост.

Слабое мерцание свечи в щели меж пологом и землей дало Ройсу понять, что обе женщины еще бодрствуют. Теперь, в относительном спокойствии лунной ночи, он признался себе, что отчасти предлогом его нынешнего визита к ним был повышенный интерес. Услышав, что Дженни умылась, он почувствовал — нечего отрицать — любопытство и захотел посмотреть. А в данный момент обнаружил, что его до смешного интересует, какого цвета ее волосы. Судя по бровям вразлет, либо ореховые, либо каштановые, тогда как сестра ее определенно блондинка, но Бренна Меррик не занимала его.

Его занимала Дженнифер.

Она словно головоломка, кусочки которой открывались перед ним по одному,

поочередно, и каждый следующий оказывался загадочнее предыдущего.

Она явно слышала легенды, приписывающие ему всевозможные злодеяния, но не испытывала перед ним и половины того страха, какой сотрясает большинство мужчин. Это первый и самый интригующий фрагмент девушки-загадки. Отвага и бесстрашие.

Потом глаза — огромные, пленительные глаза глубокого и богатого синего цвета, напоминающие бархат. Удивительные глаза. Медоточивые и выразительные, с длинной бахромой ресниц. Именно из-за этих глаз он захотел посмотреть на ее лицо и, посмотрев, с трудом поверил молве, окрестившей ее дурнушкой.

Она не красавица в общепринятом смысле слова, и хорошенькой ее тоже не назовешь, но когда она посмотрела на него, он пережил настоящее потрясение. У нее оказались высокие, изящно вылепленные скулы, гладкая как алебастр кожа, тронутая бледно-розовым румянцем, небольшой нос. По контрасту с этими нежными, тонкими чертами маленький подбородок выражал каменное упрямство, и все-таки он готов поклясться, что при улыбке рядом с ним появились две крошечные ямочки.

Все это, вместе взятое, делало ее лицо интригующим и чарующим, решил он. Определенно чарующим. А ведь он еще не позволил себе вспомнить мягкие полные губы.

С трудом отогнав мысли о губах Дженнифер Меррик, он вскинул голову и вопросительно взглянул на Юстаса.

Поняв невысказанный вопрос, Юстас слегка повернулся, чтобы свет лагерного костра падал на его лицо, поднял правую руку, изображая деликатно зажатую двумя пальцами иголку, и принялся размахивать рукой, совершая размеренные волнообразные движения.

Девушки шьют. Ройс обнаружил, что сей факт с трудом поддается его пониманию, учитывая столь поздний час. Опыт общения с богатыми женщинами показывал, что они шьют всякие безделушки для членов семьи и для украшения дома, но оставляют починку слугам. Он мог предположить, безуспешно пытаясь распознать тень Дженни сквозь ткань палатки, что богатые женщины способны заняться шитьем для развлечения, когда им нечего делать. Но не так поздно и не при свечах.

«До чего же прилежны девушки Меррик, — думал он с оттенком насмешки и недоверия. — До чего мило с их стороны предложить похитителям помощь в починке одежды. До чего великодушно».

До чего невероятно.

Особенно в случае с леди Дженнифер Меррик, враждебность которой ему уже довелось испытать на собственной шкуре.

Размышляя подобным образом, Ройс зашагал вперед мимо утомленных, израненных в битвах солдат, которые спали на земле, завернувшись в плащи. Приближаясь к палатке пленниц, он внезапно был поражен очевидной причиной их неожиданного желания заполучить иголки и ножницы, проглотил проклятие и ускорил шаг. «Конечно, они перепортят сейчас все вещи!» — рассерженно сообразил он.

Бренна подавила крик удивления и ужаса при виде Волка, откинувшего полог палатки и нырнувшего внутрь, а Дженни просто вытаращила глаза, потом медленно поднялась на ноги с подозрительно любезным выражением на лице.

— Давайте посмотрим, что вы наработали, — рыкнул Волк, переводя взгляд с Бренны, в целях защиты прикрывшей руками горло, на Дженни. — Покажите-ка!

— С удовольствием, — притворно-невинно согласилась Дженни. — Я только что принялась вот за эту рубашку, — виляла она, осторожно отпихивая рубаху с зашитыми

накрепко обшлагами, дотягиваясь до кучки одежды, предназначенной для маскарада, откуда вытащила для предъявления пару плотных шерстяных рейтуз и указала на аккуратно заштопанную спереди двухдюймовую прореху.

Совсем сбитый с толку, Ройс разглядывал почти неразличимые прочные ровные стежки. «Горделивая, высокомерная, недисциплинированная и своевольная, — признал он в душе, — но и чертовски умелая швея».

— Принимается, милорд? — допытывалась Дженни, слегка забавляясь. — Можно ли нам продолжать работу, сир?

Не будь она пленницей и надменной дочерью его врага, Ройс не поборол бы искушения схватить ее на руки и звонко расцеловать за столь необходимую помощь.

— Вы замечательно справились, — честно сказал он и собрался выйти, но обернулся, придерживая откинутый полог рукой. — Мои воины мерзли бы в изорванных и негодных одеждах при надвигающихся холодах. Они будут рады узнать, что в заштопанном платье теперь можно хотя бы дожидаться доставки зимней амуниции.

Дженни предвидела, что он догадается, какую опасность будут представлять они с Бренной, заполучив пару ножниц, и может явиться с проверкой, поэтому заранее приготовила шпаны, чтоб отвести ему глаза. Только она не ожидала, что он оплатит ей честной похвалой, и теперь чувствовала себя немножко неловко, словно совершила предательство, когда в нем обнаружилась хоть какая-то капелька человечности.

Ройс вышел, и обе девушки повалились на кучу тряпья.

— О Господи, — угрюмо молвила Бренна, не сводя глаз с груды изрезанных на куски одеял в углу. — А я почему-то не думала о здешних мужчинах как... о людях.

Дженни отказалась признаться, что тоже не думала.

— Это наши враги, — напомнила она и сестре, и себе. — Наши враги, и враги батюшки, и враги короля Иакова. — Несмотря на столь уверенное заявление, Дженни, потянувшаяся было за ножницами, в нерешительности остановилась, но потом заставила себя взять их и стоически принялась кромсать следующий плащ, одновременно пытаясь избрать наилучший план бегства, намеченного на завтрашнее утро.

Долго еще после того как Бренна погрузилась в усталый сон, Дженни лежала, бодрствуя и обдумывая все, что может из этого выйти... или не выйти.

Иней, поблескивая, лежал на траве, освещенной первыми лучами восходящего солнца, и Дженни тихонько встала, стараясь не разбудить бедняжку Бренну раньше, чем следовало. Рассмотрев по порядку все варианты, она пришла к наилучшему из возможных и чувствовала почти полную уверенность в удачном побеге.

— Пора? — молвила Бренна сдавленным от страха шепотом, переворачиваясь на спину и видя Дженни, уже одетую в плотные шерстяные рейтузы, мужскую рубашу и короткую куртку — в наряд, который должен быть на них обеих под собственным платьем, когда страж поведет их в лесок и, как каждое утро, оставит на несколько минут в одиночестве по личным надобностям.

— Пора, — подтвердила Дженни с ободряющей улыбкой.

Бренна побледнела, но поднялась и принялась одеваться трясущимися руками.

— Если бы я не была такой трусихой, — шептала она, прижимая одну руку к бешено бьющемуся сердцу, а другую протягивая за кожаной курточкой.

— Ты не трусиха, — заверила ее Дженни, стараясь говорить потише, — просто чрезмерно и весьма преждевременно тревожишься о возможных последствиях любого своего поступка. По правде сказать, — добавила она, с готовностью помогая завязывать тесемки на вороте позаимствованной рубашки Бренны, — ты даже храбрее меня. Потому что, если бы я так боялась последствий, как ты, у меня никогда не хватило бы отваги осмелиться даже на самое невинное дело.

Неуверенная улыбка Бренны выразила молчаливую признательность за комплимент.

— Взяла шапочку?

Бренна кивнула, и Дженни тоже прихватила черную шапку, которую ей самой скоро предстояло надеть, чтобы скрыть длинные волосы, и, приподняв подол серого платья, сунула ее за пояс рейтуз. Солнце поднялось чуть выше, окрасив небо в водянистый серый цвет, пока девушки в широких одеяниях послушниц, скрывающих мужской наряд, дожидались появления гиганта, который должен был проводить их в лес.

Момент близился, и Дженни, понизив голос до шепота, в последний раз повторяла план, опасаясь, как бы Бренна с перепугу не позабыла, что должна делать:

— Помни, на счету каждая секунда, но нельзя двигаться слишком быстро, чтобы не привлечь внимания. Когда скинешь платье, хорошенько спрячь его под кустом. Главная наша надежда на то, что они будут разыскивать двух монахинь, а не двух парней. Если платья найдут, нас поймают, прежде чем успеем выбраться из лагеря.

Бренна кивнула, перевела дыхание, а Дженни продолжала:

— Когда избавимся от платьев, следи за мной и тихонечко пробирайся через кусты. Ни к чему больше не прислушивайся, ни на что больше не смотри. Обнаружив, что мы исчезли, они поднимут крик, но для нас это не имеет никакого значения, Бренна. Не бойся шума.

— Не буду, — пообещала Бренна, а глаза ее уже расширились от страха.

— Мы останемся в роще и проберемся вдоль южной границы лагеря к загону, где держат коней. Преследователям не придет в голову, что мы вернулись в лагерь, они станут искать нас в другой стороне — в глубине леса. Когда подойдем к загону, стой прямо за деревьями, а я приведу лошадей. Если повезет, сторож в загоне, кто бы он ни был, больше заинтересуется нашими поисками, чем лошадьми.

Бренна молча кивнула, а Дженни прикидывала, как бы получше преподнести оставшееся. Она знала: если их обнаружат, ей придется совершать отвлекающие маневры, чтобы Бренна могла успешно бежать в одиночку, но уговорить Бренну уйти без нее будет непросто. Наконец Дженни поспешно и тихо проговорила:

— Ну а теперь на случай, если мы вдруг расстанемся...

— Нет! — вскинулась Бренна. — Не расстанемся! Мы не можем расстаться!

— Слушай меня! — так сурово шепнула Дженни, что Бренна проглотила дальнейшие возражения. — Если мы вдруг расстанемся, ты должна знать весь план до конца, чтобы я могла... догнать тебя позже.

Бренна неохотно кивнула, и Дженни обеими руками схватила липкие от холодного пота пальцы сестры, крепко стиснула их, словно пытаясь перекачать в Бренну долю собственной храбрости.

— Север там, где высокий холм, за загоном с лошадьми. Знаешь, какой я имею в виду?

— Да.

— Хорошо. Когда я раздобуду коней и мы сядем верхом, надо оставаться в лесу и держать путь на север, пока не окажемся на вершине холма. Оттуда повернем на запад и спустимся вниз, но не будем выезжать из леса. Увидим дорогу и двинемся параллельно, лесом. Клеймор наверняка пошлет кого-нибудь осмотреть дороги, только они будут разыскивать двух монахинь из Белкирского аббатства, а не пару юношей. Если нам выпадет счастье, встретим каких-нибудь путников и присоединимся к ним — еще лучше замаскируемся и обретем больше шансов на успех.

И еще одно, Бренна. Вдруг они нас заметят и начнут охоту, скажи как можно быстрее в том направлении, о котором я тебе только что рассказала, а я брошусь в другую сторону и уведу их от тебя. В этом случае оставайся в убежище сколько сможешь. До аббатства не больше пяти или шести часов; если меня схватят, ты должна ехать дальше без меня. Я не знаю, где мы сейчас находимся. Думаю, в Англии, рядом с границей. Езжай на северо-запад и, когда попадешь в деревню, спроси дорогу на Белкирк.

— Не могу же я просто бросить тебя, — тихонько плакала Бренна.

— Ты должна... чтобы привести мне на помощь отца и мужчин нашего клана.

Личико Бренны слегка просветлело, когда она поняла, что в конечном счете поможет Дженни, и сестра одарила ее бодрой улыбкой:

— Я совершенно уверена, в субботу мы вместе окажемся в замке Меррик.

— В замке Меррик? — выпалила Бренна. — Разве мы не останемся в аббатстве, послав кого-нибудь сообщить батюшке о происшедшем?

— Ты можешь остаться в аббатстве, если захочешь, а я попрошу матушку Амброз дать мне сопровождение и в тот же день или вечер отправлюсь домой. Отец думает, что мы тут в заложниках, и я должна сразу добраться до него, пока он не принял их условий. Кроме того, ему надо знать, сколько здесь человек, с каким оружием и все прочее, что известно только нам одним.

Бренна кивнула, но то были не все причины, по которым Дженни жаждала самолично явиться в замок Меррик, и обе они это знали. Дженни жаждала свершить нечто такое, что заставило бы отца и весь клан гордиться ею, и перед ней открывалась драгоценнейшая возможность. Когда это удастся — если это удастся, — она хочет быть там и прочесть все в их глазах.

Снаружи послышались шаги стража, и Дженни встала, изобразив на губах любезную и

даже, пожалуй, примирительную улыбку. Бренна поднялась с таким видом, словно приготовилась взглянуть в лицо верной смерти.

— Доброе утро, — приветствовала Дженни сэра Годфри, сопровождающего их в лес. — Я, кажется, совсем не выспалась.

Сэр Годфри, мужчина лет тридцати, бросил на нее странный взгляд — определенно, подумала Дженни, по той причине, что ни разу еще не слышал от нее человеческого слова, и замерла, когда его хмурые глаза стали вроде бы шарить по платью, торчащему со всех сторон из-за надетой внизу мужской одежды.

— Вы мало спали, — заметил он, явно осведомленный об их полуночной портняжной работе.

Мокрая трава заглушала шаги; Дженни шла слева от него, с другого ее боку плелась Бренна.

подавляя зевоту, Дженни покосилась на сэра Годфри:

— Сестра моя очень слаба нынче утром, мы ведь так поздно легли. Было бы очень мило, если б вы дали нам несколько лишних минут, чтобы освежиться в ручье.

Обратив к ней бронзовое от солнца лицо, он посмотрел со смешанным выражением подозрительности и нерешительности, а потом согласно кивнул, разрешая:

— Пятнадцать минут, — и Дженни возликовала в душе, — но так, чтобы я видел голову хотя бы одной из вас.

Страж встал на посту у кромки леса, повернувшись к ним в профиль, и Дженни знала, что он не опустит глаз ниже их макушек. До сих пор ни один из охранников не проявлял похотливого побуждения подглядывать за полураздетыми девушками, за что она нынче была особенно признательна.

— Спокойно, — предупредила Дженни, увлекая Бренну прямо к ручью. Добравшись туда, она пошла вдоль бережка, продвинувшись так глубоко в лес, насколько могла отважиться, не дав сэру Годфри повода пускаться вдогонку, и остановилась под низкой веткой дерева, нависшей над кустами.

— Похоже, вода холодная, Бренна! — прокричала Дженни погромче, чтобы страж слышал и не считал нужным слишком пристально наблюдать. Продолжая высказываться, она, стоя под деревом, принялась аккуратно развязывать головную накидку и плат, кивком велев Бренне делать то же самое. Когда обе стащили коротенькие накидки, Дженни осторожно пригнулась, держа накидку над головой, как будто та все еще была надета, и ловко подцепила ее к ветке. Удовлетворенная, опустилась на четвереньки, поспешно подползла к Бренне, тоже поднявшей убор над головой, выдернула его из дрожащих пальцев сестры и как можно надежнее пристроила на кусте.

Через пару минут девушки сбросили платья, спрятали под кустом, навалив на серые одежды листья и хворост. В приступе вдохновения Дженни порылась в куче веток и платьев, выудила свой носовой платок, приложила палец к губам, подмигнула Бренне и, сторбившись и припав к земле, шмыгнула в сторону, прокрадываясь ярдов на пятнадцать вниз по течению ручья в направлении, противоположном тому, куда они собирались бежать. Задержавшись ровно настолько, сколько потребовалось, чтобы нацепить белый платок на колючий куст, словно он был обронен при побеге, она повернулась и бегом помчалась к Бренне.

— Это обманет их, и у нас будет больше времени, — пояснила она. Бренна качнула головой с сомнением и с надеждой, и обе девушки мгновение осматривали друг друга, проверяя, как они выглядят. Бренна протянула руку, натянула шапочку Дженни пониже на

уши, заправив под нее прядь золотисто-рыжих волос, и кивнула.

С признательной и подбадривающей улыбкой Дженни схватила Бренну за руку и быстро потащила в лес, к северу, держась ближе к границам лагеря, моля Бога, чтобы Годфри отвел им, как обещал, полные четверть часа, а если можно, то и побольше.

Через несколько минут они оказались позади загона, где содержались лошади, присели в кустах на корточках, стараясь отдышаться.

— Сиди тут и не двигайся! — приказала Дженни, шаря глазами поблизости в поисках сторожа, который, по ее твердому убеждению, обязательно должен быть приставлен к боевым коням. И углядела его, спящего на земле в дальнем углу загона.

— Сторож спит на посту! — торжествующе прошептала она, оглядываясь на Бренну, и спокойно добавила: — Если проснется и поймает меня возле лошадей, действуй по плану, убегай быстрее. Поняла? Оставайся в лесу и держи путь вон на тот высокий холм позади нас.

Не дожидаясь ответа, она поползла вперед, помедлив на краю рощи и озираясь вокруг. Лагерь все еще наполовину спал, введенный в заблуждение пасмурным, серым утром, из-за которого час казался более ранним, чем был на самом деле. До лошадей уже можно было дотянуться рукой.

Спящий сторож лишь раз шевельнулся, когда Дженни тихонько поймала поводья двух норовистых коней и потянула их к ограждавшей загон веревке. Неловко встав на самые цыпочки, подняла веревку повыше, чтобы кони могли пройти, через недолгих две минуты передала одного Бренне, и они поспешно увлекли скакунов в лес, где стук копыт заглушал толстый слой вымокших туманным утром опавших листьев.

Дженни с трудом сдерживала победную улыбку; девушки подвели коней к поваленному дереву и, встав на ствол, взобрались на их широкие спины. Глухие тревожные крики донеслись сзади, когда они проделали уже добрую часть пути к высокому хребту.

В поднявшемся шуме не было надобности сохранять тишину, и под мужские возгласы они одновременно ударили коней в бока пятками и понеслись через заросли.

Обе были умелыми наездницами, и обе легко приспособились к скачке. Однако отсутствие седел несколько затрудняло езду — приходилось крепко сжимать колени, кони прибавляли ходу, и надо было изо всех сил цепляться за поводья, чтобы не погибнуть. Перед ними маячила высокая вершина, с другой стороны в свое время откроется дорога, потом аббатство и, наконец, замок Меррик. Они ненадолго остановились, Дженнифер смогла отдышаться, но в лес не проникал даже скудный солнечный свет, и она отказалась от отдыха, побуждаемая инстинктом мчаться дальше.

— Бренна, — с ухмылкой проговорила Дженни, поглаживая мощную атласную шею огромного черного боевого коня, на котором сидела, — вспомни-ка легенды про Волка, как там говорится про его скакуна? Дескать, зовут его Тор^[6], и быстрее его нет на всей земле. И что он самый ловкий.

— Правда, — отвечала Бренна, слегка поеживаясь на холодной заре, когда кони двинулись через густой лес.

— И правда ведь, — продолжала Дженни, — говорят, что он черный как смертный грех, с одной только белой звездой во лбу вместо клейма?

— Правда.

— А нет ли у моего коня такой звезды?

Бренна оглянулась и кивнула.

— Бренна, — тихонько посмеиваясь, заключила Дженни, — я увела у Черного Волка

могучего Тора!

Конь запрядал ушами, заслышав свое имя, и Бренна, позабыв тревоги, разразилась смехом.

— Ну конечно же, вот почему он был привязан и содержался отдельно от остальных, — весело добавила Дженни, окидывая взглядом знатока великолепное животное. — Теперь понятно и то, почему, выезжая из лагеря, он так опередил твоего, что мне пришлось его сдерживать. — Наклонившись, она вновь потрепала его по холке и прошептала: — Какой ты красавец, — не питая к коню никаких недобрых чувств — только к его бывшему владельцу.

— Ройс... — Годфри стоял в палатке Ройса, низкий голос его виновато охрип, краска стыда залила толстую загорелую шею. — Женщины... э-э-э... сбежали примерно три четверти часа назад... Арик, Юстас и Лайонел обыскивают лес.

Ройс замер, не дотянувшись рукой до рубахи, и уставился на самого хитрого и жестокого своего рыцаря с застывшим на лице почти комическим выражением недоверия.

— Женщины... что? — переспросил он, расплываясь в улыбке, в которой тревога смешивалась с просыпающимся раздражением. — Ты хочешь сказать, — уточнил он, сердито выхватывая рубашку из кучи починенного девушками прошлой ночью белья, — что позволил двум глупым девчонкам себя провести... — Сунул руку в рукав и с яростным недоумением уставился на обшлаг, не пропускавший кулак. Прошипев дикое проклятие, схватил другую рубаху, осмотрел рукав, убедился, что все в порядке, просунул руку, но рукав целиком отлетел и упорхнул в сторону словно по волшебству.

— Клянусь Богом, — выдавил он сквозь зубы, — дай мне только добраться до этой синеглазой ведьмы... — Отшвырнув рубаху, пошел к сундуку, вытащил новую, натянул, слишком взбешенный, чтобы закончить фразу. Привычным движением подхватив свой короткий меч, он застегнул перевязь и прошагал мимо Годфри, рывкнув: — Покажи мне, где ты их видел в последний раз.

— Там, в лесу, — пробормотал Годфри. — Ройс... — добавил он, подводя его к тому месту, где две накидки глупо болтались на ветках, — это... гм... не обязательно ведь сообщать обо всем этом другим, а?

Мимолетная улыбка сверкнула в глазах Ройса, бросившего на рослого мужчину косой взгляд и сразу сообразившего, что гордости Годфри нанесен тяжкий удар и что он надеется сохранить происшествие в тайне.

— Нет нужды поднимать тревогу, — проговорил Ройс, вышагивая на длинных ногах по берегу ручья и обшаривая глазами кусты и деревья. — Найти их не составит труда.

Часом позже он уже не испытывал такой уверенности, а изумление сменилось гневом. Эти женщины необходимы ему как заложницы. Они были ключиком, который откроет ворота замка Меррик, возможно, без кровопролития и без потери стоящих людей.

Пятеро мужчин прочесывали лес в восточном направлении, уверенные, что одна из девушек потеряла платок на бегу, но, не обнаружив никаких следов, Ройс пришел к заключению, что кому-то — нечего сомневаться, синеглазой ведьме! — в самом деле хватило ума прицепить тут белый лоскут в сознательной попытке сбить их с толку. Это нелепо... невероятно. И тем не менее очевидная истина.

Шагая между Годфри и полным презрения Ариком, Ройс прошел мимо двух серых накидок и со злостью сорвал их с ветки.

— Бейте тревогу, снарядите отряд, пусть обыщут каждый дюйм в этом лесу, — приказал

он, минуя палатку девушек. — Не сомневаюсь, они спрячутся в чаще. Лес густой, мы могли их не заметить.

Разбившись по двое, мужчины выстроились в ряд, держась друг от друга на расстоянии вытянутой руки, и принялись прочесывать лес, начав от ручья и медленно продвигаясь вперед, заглядывая под каждый куст и упавший ствол. Истекшие минуты сложились в час, потом в два, наконец, настал полдень.

Стоя на берегу ручья, Ройс присматривался к густо поросшим деревьями холмам на севере, и лицо его с каждой минутой становилось суровее и резче. Поднялся ветер, небо стало свинцово-серым.

К нему подошел Стефан, только что вернувшийся с охоты, куда отправился вчера вечером.

— Я слышал, женщины утром сбежали, — сказал он, озабоченно прослеживая взгляд Ройса, направленный на самый высокий холм на севере. — По-твоему, они в самом деле взбираются на хребет?

— Им не хватило бы времени добраться туда пешком, — отвечал Ройс охрипшим от злости голосом. — На случай, если они пошли дальним путем, огибая его, я направил людей обыскать дорогу. Расспрашивали всех прохожих, но никто не видел двух молодых женщин. Местный житель приметил двух парней, скакавших к холмам верхом, вот и все. Где б они ни были, непременно сойдутся с пути, если идут к хребту: солнца почти нет, оно компасом не послужит. Во-вторых, они не знают, где находятся, а стало быть, и не ведают, куда направляться.

Стефан молчал, обыскивая взглядом далекие холмы, потом резко обернулся к Ройсу:

— А я, въезжая сейчас в лагерь, подумал было, что ты сам решил прошлым вечером отправиться на охоту.

— Почему? — коротко поинтересовался Ройс.

Стефан колебался, зная, что Ройс ценит своего могучего черного боевого коня выше многих людей за необычайную храбрость и верность. Собственно говоря, подвиги Тора на турнирах и на полях сражений были не менее легендарными, чем деяния его хозяина. Одна известная придворная дама призналась как-то своим друзьям, что выкажи ей Ройс Уэстморленд хоть половину любви, которую питал к своей чертовой лошади, она считала бы себя счастливейшей из смертных. А Ройс отвечал с присущим ему ядовитым сарказмом, что, если бы леди хоть наполовину обладала верностью и сердцем его коня, он бы женился на ней.

Во всей армии короля Генриха не нашлось бы человека, дерзнувшего вывести из загона коня Ройса и ускакать на нем. Это значило, что осмелился кто-то другой.

— Ройс...

Ройс оглянулся, уловив нотку нерешительности в голосе брата, но взгляд его вдруг упал на неестественно высоченную кучу листьев и хвороста под кустом. Некое шестое чувство заставило его копнуть кучу носком сапога, и он увидел и безошибочно распознал темно-серый цвет монашеских одеяний. Наклонился, вытащил платя, и как раз в этот миг Стефан добавил:

— Тора нет среди других коней. Девчонки, наверно, забрали его, а сторож ничего не заметил.

Ройс медленно выпрямился, стиснул зубы, глядя на брошенную одежду, и проговорил звонким от ярости голосом:

— Мы ищем двух пеших монахинь. А надо искать двух невысоких мужчин верхом на моем коне.

Глухо выругался, повернулся на каблуках и направился к лошадиному загону. Проходя мимо палатки девушек, резким жестом, полным злости и отвращения, швырнул платя в открытый проем и кинулся бегом, а Стефан следовал за ним по пятам.

Сторож, стоявший на посту у большого загона, отсалютовал своему сеньору и отшатнулся в тревоге, когда Волк бросился на него, вцепился в грудь, оторвал от земли.

— Кто был на посту нынче на заре?

— Я... я, милорд.

— Ты оставлял пост?

— Нет... нет, милорд! — вскрикнул он, зная, что в королевской армии это карается смертью.

Ройс с омерзением отшвырнул его прочь. Через несколько минут отряд из двенадцати человек во главе с Ройсом и Стефаном мчался вниз по дороге, держа путь на север. Добравшись до крутых холмов, лежащих меж лагерем и северной тропкой, Ройс резко выпрямился в седле, чтобы отдать распоряжения. Предположив, что женщин не подстерегла никакая случайность и они не сбились с пути, Ройс мог с уверенностью сказать, что они уже преодолели холмы и поднимаются на следующую гряду. И все-таки он послал четверых мужчин с наставлением прочесать эти холмы вдоль и поперек.

Оставшись со Стефаном, Ариком и еще пятью всадниками, Ройс прищепил своего мерина и полетел вниз по дороге. Через два часа они, обогнув холм, выехали на северный тракт. С развилки один проселок уходил на северо-восток, другой поворачивал к северо-западу. Ройс подал знак спутникам остановиться и принялся размышлять, какой путь могли выбрать женщины. Если б им не достало присутствия духа оставить в лесу тот треклятый платок, чтобы направить преследователей по ложному следу, он ринулся бы вместе со всеми помощниками к северо-западу. Но теперь невозможно отбрасывать вариант, что они нарочно отправились по той дороге, где потратят лишних полдня, совершая обходной маневр. Ройс знал: это будет стоить им времени, но принесет выигрыш в безопасности. И все-таки сомневался, что им известно, какой путь приведет их назад к дому. Он глянул на небо — оставалось всего около двух светлых часов. На северо-западе проселок вел через холмы. Кратчайшим путем они поедут ночью, но это будет опасно. Две женщины, испуганные и беззащитные, пусть даже переодетые мужчинами, безусловно, предпочтут более безопасный и легкий маршрут, хоть он и длиннее. Приняв решение, Ройс отправил с Ариком остальных осмотреть двадцатимильный отрезок той дороги, что уходила в холмы.

С другой стороны, сердито рассуждал Ройс, поворачивая собственного коня на северо-западную развилку и делая знак Стефану следовать за ним, своевольной и избалованной синеглазой ведьме хватит духу пуститься ночью кратчайшим путем в одиночку. Она способна на все, эта девчонка, думал он с разгорающимся гневом, припоминая, как вежливо благодарил ее за помощь вчерашней ночью и какой мед источала она, принимая его похвалу. Ей неведом страх. Пока неведом. Но, оказавшись в его руках, она поймет, что это значит. Она научится бояться его, Ройса.

Радостно мыча про себя какой-то мотив, Дженни подбросила побольше веток в аккуратный походный костер, который соорудила с помощью кремня, выданного ей вчера для зажигания свечи, когда она занималась починкой одежды. Где-то в глухой чаще жутко завыл

на восходящую луну неизвестный зверь, и Дженни решительнее запела без слов, скрывая инстинктивную дрожь от мрачных предчувствий под широкой и бодрой улыбкой, предназначенной для успокоения бедняжки Бренны. Угроза дождя миновала, черное беззвездное небо осветилось круглой золотой луной, за что Дженни была глубоко признательна. Дождь сейчас нужен ей меньше всего на свете.

Снова взвыл зверь, и Бренна поплотнее стянула на плечах лошадиную попону.

— Дженни, — шепнула она, не сводя с сестры доверчивых глаз, — кто это там воет? Неужто я верно догадываюсь? — И, словно не в силах произнести вслух, она беззвучно изобразила побелевшими губами слово «волк».

— Ты говоришь про сову, которую мы только что слышали? — улыбаясь, выкрутилась она.

— Это была не сова, — возразила Бренна, и Дженни тревожно нахмурилась, услышав страшный пронзительный кашель, от которого задохнулась сестра. Легочный недуг, почти постоянно терзавший Бренну в детстве, сегодня вернулся, осложненный сыростью, холодом и страхом.

— Даже если это была не сова, — мягко проговорила Дженни, — ни один хищник близко не подойдет к такому огню, это я точно знаю.

В данный момент опасность, которой грозил ярко пылавший костер, беспокоила Дженни несколько не меньше волков. Даже слабый огонь в лесной чаще виден на большом расстоянии, и хотя они были за несколько сотен ярдов от дороги, она не могла сдержать дрожь при мысли, что преследователи все еще ищут их.

Пытаясь отвлечься от тревог, она подтянула колени к груди, оперлась на них подбородком и кивнула на Тора:

— Ты когда-нибудь в жизни видела такое великолепное животное? Я сначала думала, что он сбросит меня нынче утром, когда забралась на него верхом, а потом он будто понял, как нужен нам, и смирился. И весь сегодняшний день — как странно! — словно знал, чего я от него хочу, и мне даже не приходилось погонять или направлять его. Воображаю радость батюшки, когда мы вернемся, не только вырвавшись из самой пасти Волка, но и с его конем в придачу!

— Ты не можешь наверняка утверждать, что это его конь, — заметила Бренна, которую, судя по виду, охватывали запоздалые размышления о разумности кражи столь ценного и пользующегося такой славой скакуна.

— Ну конечно, его! — с гордостью заявила Дженни. — Он точно такой, как поют менестрели в своих песнях. Кроме того, он оглядывается на меня, когда я зову его. — В качестве доказательства она тихонько произнесла его кличку, и конь поднял прекрасную голову, посмотрев на нее умными человеческими глазами. — Это он! — торжествующе заключила Дженни, но Бренна казалась испуганной.

— Дженни, — прошептала она, грустно глядя огромными золотисто-карими глазами на бравую, решительную улыбку сестры. — Как ты думаешь, почему ты такая отважная, а я нет?

— Потому что, — фыркнула Дженни, — Господь наш справедлив и, раз вся краса досталась тебе, пожелал и меня наградить чем-нибудь для равновесия.

— О, только... — Бренна вдруг смолкла, а огромный вороной конь неожиданно громко заржал в ночи.

Вскочив на ноги, Дженни бросилась к Тору, зажала рукой его ноздри, заглушая ржание.

— Бренна, быстро гаси костер! Накрой одеялом!

Сердце ее грохотало в ушах, и Дженни склонила голову набок, прислушиваясь к топоту всадников и чувствуя их приближение.

— Слушай меня, — торопливо зашептала она. — Как только я сяду на Тора, отвяжи свою лошадь, пусти в лес в том направлении, потом беги сюда и спрячься под этим поваленным деревом. Не вылезай, не произноси ни звука, пока я не вернусь.

Продолжая говорить, Дженни влезла на поваленный ствол и взобралась на спину Тора.

— Я собираюсь вывести Тора на дорогу и пустить его вверх вон на тот склон. Если этот проклятый граф там, он кинется за мной вдогонку. И, Бренна, — задыхаясь, добавила она, уже разворачивая Тора, — вдруг он поймает меня и я не вернусь, иди в аббатство и следуй нашему плану — пришли батюшку мне на выручку.

— Но... — прошептала Бренна, дрожа от страха.

— Сделай это! Прошу тебя! — крикнула Дженни и послала коня через густые заросли, нарочно производя как можно больше шума, чтобы увести погоню от Бренны.

— Гляди! — крикнул Ройс Стефану, указывая на темное пятнышко, мчащееся к высокому хребту, и они, пришпорив лошадей, погнали их рысью за всадником. Проезжая мимо того места, рядом с которым девушки расположились на отдых, и безошибочно почуяв запах недавно потушенного костра, Ройс со Стефаном резко затормозили.

— Обыщи все вокруг костра! — прокричал Ройс, снова пришпоривая мерина. — Может, найдешь младшую!

«Черт возьми, она умеет скакать верхом!» — почти в восхищении выдохнул Ройс, не сводя глаз с маленькой фигурки, пригнувшейся к шее Тора и безуспешно пытавшейся сохранять между собой и преследователем дистанцию в триста ярдов. Он инстинктивно чувствовал, что гонится за Дженни, а не за ее робкой сестрицей, знал так же точно, как признал в коне Тора. Тор честно мчался изо всех сил, но даже скорости черного скакуна не хватало, чтоб наверстать время, потерянное в тот момент, когда Дженни не позволила ему взять на скаку высокое препятствие и вместо этого пустила в обход.

Ройс, сокративший расстояние до пятидесяти ярдов, быстро нагонял и вдруг увидел, как Тор неожиданно отпрянул с тропинки в сторону, отказавшись прыгать через упавшее дерево — верный знак, что конь чувствует опасность и не желает подвергать ей себя и своего седока. Тревожный, испуганный вопль вырвался из груди Ройса, когда он взгляделся во тьму и понял, что там, впереди, за упавшим стволом, только крутой обрыв и дрожащий воздух.

— Нет, Дженнифер! — крикнул он, но она не послушалась предупреждения.

Испуганная до полусмерти девушка вновь развернула коня, заставила его попятиться и пришпорила.

— Пошел! — провизжала она, и, секунду поколебавшись, гигантское животное взлетело в мощном прыжке. Человеческий вопль разорвал ночь почти в тот же момент, как Дженни, потеряв равновесие, соскользнула с прыгающего скакуна, на нескончаемое мгновение повисла, вцепившись в густую гриву, а потом с шумом рухнула в крону поваленного дерева. Следом раздалось страшное ржание коня, падающего с обрыва навстречу смерти.

Дженни, пошатываясь, выбиралась из веток. Ройс спрыгнул с лошади и метнулся к краю обрыва. Она откинула волосы с глаз и сообразила, что в нескольких шагах впереди нее нет ничего, одна чернота; перевела взгляд на преследователя, неотрывно глядевшего вниз, крепко сжав окаменевшие челюсти. Девушка была так взволнована и сбита с толку, что нисколько не протестовала, когда он больно схватил ее за руку и потащил за собой, спускаясь в провал.

Сначала Дженни не понимала, что он задумал, потом в голове у нее несколько

просветлело. Тор! Она поняла, что он ищет коня, и взмолилась, чтобы удивительное существо каким-нибудь чудом не пострадало. Она заметила его в тот же миг, что и Ройс, — неподвижную черную громаду, лежащую всего в нескольких ярдах от валуна, сломавшего ему хребет.

Ройс отшвырнул ее руку, и Дженни просто застыла на месте, оцепенев от жалости и раскаяния при виде прекрасного, безнадежно загубленного ею создания. Словно во сне она наблюдала, как самый жестокий английский рыцарь опускается на одно колено подле своего мертвого скакуна, медленно гладит блестящую вороную шкуру и голосом, полным боли, произносит слова, которых она не расслышала.

Глаза ее затуманились, а когда Ройс встал и повернулся к ней, на девушку вдобавок к печали нахлынула паника. Инстинкт приказал ей бежать, она развернулась и кинулась прочь, да не успела. Он схватил ее за волосы, рванул, обращая к себе лицом, жестко впившись пальцами в кожу на голове.

— Прокляни тебя Бог! — дико выкрикнул он, и сверкающие глаза его налились гневом. — Конь, которого ты сейчас погубила, был верней и отважней многих мужчин! Черт возьми, в нем было столько благородства, что он позволил тебе обречь его на смерть!

Огорчение и страх отражались на побелевшем лице Дженни, но не смягчали хватчика, больно дергающего ее за волосы, запрокидывая голову назад.

— Он знал, что за деревом пустота, и предупредил тебя, а ты послала его на гибель!

И, словно не в силах больше ругаться за себя, он отшвырнул ее, поймал за рукав и тяжело поволок за собой, выбираясь из пропасти. Дженни осенило: он так настоятельно увлек ее вниз, несомненно, затем, чтобы не дать ей увести и другую лошадь. В тот момент она была настолько ошеломлена, что ей не пришло бы и в голову так рисковать, даже если бы и представилась малейшая возможность. Однако теперь она собралась с мыслями, и когда он взвалил ее поперек седла и занес ногу в стремя, Дженни внезапно хлестнула поводьями, умудрившись вырвать их у него из рук. Но граф без усилий уселся в седло пустившегося вскачь мерина и придавил рукой грудь Дженни, едва не придушив ее.

— Еще одна выходка, — прошипел он ей в ухо с такой непомерной злобой, что она съежилась, — и я заставлю тебя жалеть об этом всю жизнь! Ты меня поняла? — Он подчеркнул вопрос, резко усилив голос.

— Да! — выдохнула Дженни, и он медленно отпустил сдавившую грудную клетку руку.

Скорчившись под упавшим деревом, где ей велела сидеть Дженни, Бренна следила, как Стефан Уэстморленд возвращается на поляну, ведя в поводу ее коня. Из укрытия ей были видны только лошадиные копыта, земля и, после того как он спешился, мужские лодыжки. Надо бы бежать поглубже в чащу, отчаянно думала Бренна, да там можно заблудиться. Кроме того, Дженни наказывала оставаться на месте, а в подобных авантюрах Бренна верно и безупречно следовала ее приказам.

Ноги приблизились, остановились у кострища, носком сапога пнули потухшие головешки, и Бренна инстинктивно почувствовала взгляд, исследующий темные заросли кустов, где она спряталась. Незнакомец медленно двинулся по направлению к ней, грудь ее взволнованно заколыхалась от страха, легким недоставало воздуха. Зажав рот руками, она старалась сдержать одолевавший ее приступ кашля и, застыв от ужаса, уставилась на кончики сапог в нескольких дюймах перед собой.

— Ну хорошо, — прогудел на небольшой полянке низкий голос, — вылезайте оттуда, мисс. Вы устроили нам славную гонку, только охота закончена.

Надеясь, что это уловка и в действительности он не уверен, что она тут, Бренна вжалась поглубже в укрытие.

— Ну что ж, — вздохнул он, — наверно, мне самому придется туда лезть и вытаскивать вас. — Он резко нагнулся, и через мгновение сквозь ветви просунулась большая рука, пошарила по сторонам, наткнувшись наконец на грудь Бренны.

Испуганный, протестующий вопль замер у нее в горле, ладонь разжалась и вновь медленно сжалась, словно он пробовал определить на ощупь, что именно изловил. Догадавшись, ошеломленно отдернул руку, потом снова просунул, схватил Бренну за локоть и выволок наружу.

— Так, так, так, — без улыбки проговорил Стефан. — Похоже, я выудил лесную фею.

У Бренны не хватило смелости стукнуть его или кунуть, как поступила Дженни с его братом, но хватило решимости бросить сердитый взгляд, пока он взваливал ее на коня и садился сам, удерживая одной рукой поводья ее скакуна.

Выезжая из лесу на дорогу, Бренна прошептала молитву, чтоб Дженни удалось уйти, потом приподнялась, устремив взгляд вверх по тракту к хребту, и сердце ее замерло при виде приближающейся Дженни, переброшенной через седло восседающего верхом Черного Волка. Стефан перевел своего коня на шаг рядом с братом.

— Где Тор? — спросил он, и удрученный вид Ройса ответил на вопрос раньше, чем тот произнес:

— Мертв.

Ройс ехал молча, стиснув губы, наливаясь злобой с каждой проходившей минутой. Кроме глубокого чувства утраты, переживаемого из-за Тора, он к тому же устал, проголодался, совершенно взбесился, и все потому, что одна молоденькая девчонка (он совершенно справедливо считал Бренну ни в чем не повинной) с рыжими волосами (теперь ему это было известно) умудрилась одурачить проницательного, опытного охранника, переполошила пол-армии и заставила его провести целые сутки в погоне за ней. Но больше всего его злили ее несгибаемая воля, гордая осанка и вызывающие манеры. Она вела себя как избалованный ребенок, который, упав и заплакав, не признается, что сам виноват.

Они въехали в лагерь, и головы всех присутствующих повернулись в их сторону, на лицах появилось облегчение, но солдатам хватило ума не радоваться. То, что двум пленникам удалось бежать, было поводом в первую очередь для стыда, а не для радости, но то, что эти два пленника оказались женщинами, было немыслимо. Оскорбительно.

Ройс со Стефаном подъехали к загону. Ройс спешил и бесцеремонно сдернул Дженни с седла. Она повернулась, направляясь к своей палатке, и вскрикнула от боли и удивления, когда Ройс потянул ее назад.

— Я хочу знать, как вы увели лошадей из загона и почему сторож вас не заметил.

Все находившиеся в пределах слышимости одновременно насторожились и оглянулись на Дженни, ожидая ответа. До тех пор они словно не замечали ее, точно она была невидимкой, но сейчас девушка чувствовала себя неловко под быстрыми пристальными взглядами.

— Отвечайте!

— Мне нечего было таиться, — проговорила Дженни с достоинством и сдержанностью. — Ваш сторож спал.

В сердитых глазах Ройса промелькнуло болезненное недоверие, но лицо его оставалось бесстрастным, и он коротко кивнул Арику. Белокурый гигант с боевым топором в руке

шагнул вперед, пробираясь через толпу мужчин к отпирающемуся сторожу. Дженни наблюдала за разворачивающейся картиной, гадая, что ждет беднягу. Несомненно, он будет наказан за пренебрежение своими обязанностями, но наказание, наверно, не будет чрезмерно жестоким. Или будет? Ей не довелось выяснить это: Ройс рванул ее за руку и потащил за собой.

Он вел ее через весь лагерь, и Дженни видела полные вражды и гнева взгляды, которые бросал на нее каждый встречный солдат и рыцарь. Она всех их выставила дураками, сбежав и сбив со следа. Теперь они ненавидят ее за это, и ненависть их так сильна, что обжигает кожу. Кажется, даже граф злится больше прежнего, думала Дженни, ускоряя шаг, пускаясь почти бегом, чтобы поспеть за ним, пока он не выдернул ей руку из сустава.

Размышления о причинах его злости внезапно уступили место более важному соображению — Ройс Уэстморленд вел ее в свою палатку, а не в ее собственную.

— Я туда не пойду! — крикнула она и отшатнулась.

Бормоча проклятия, граф наклонился и взвалил ее на плечо, как мешок с мукой, ягодицами вверх; длинные волосы Дженни свисали ему до колен. Непристойные смешки и довольные возгласы мужчин, ставших свидетелями ее публичного унижения, прокатились по всей поляне, и Дженни едва не лишилась рассудка от ярости и оскорбленной гордости.

В палатке он сбросил ее на пол, на груды меховых шкур, и встал, наблюдая, как Дженни, с трудом выкарабкиваясь, садится, потом поднимается на ноги, поглядывая на него словно маленький, загнанный в угол зверек.

— Если вы обесчестите меня, клянусь, я убью вас! — прокричала она, внутренне сжимаясь от гнева, превратившего его лицо в сталь, а глаза — в сверкающие серебряные бляшки.

— Обещецу вас? — с едким презрением переспросил он. — Плотская страсть — самое последнее желание, которое вы сейчас способны во мне пробудить. Вы останетесь в этой палатке потому, что она усиленно охраняется, а я более не намерен утруждать своих воинов поисками вас. Кроме того, теперь вы в центре лагеря, и если решите бежать, мои люди вас схватят. Ясно?

Она метнула на него сердитый взгляд, храня каменное молчание, и упрямый отказ подчиниться его воле еще больше взбесил Ройса. Сжав кулаки, он подавил злость и продолжал:

— Если вы совершите еще один акт непослушания по отношению ко мне или кому-либо другому в этом лагере, я самолично превращу ваше существование в истинный ад. Вы меня поняли?

Глядя в застывшее грозное лицо, Дженни несколько не сомневалась, что его слова не расходятся с делом.

— Отвечайте! — грозно приказал он.

Понимая, что он раздражен до предела, Дженни перевела дыхание и кивнула.

— И еще... — начал было он, но резко оборвал фразу, словно за себя не ручался, повернулся, схватил со стола графин с вином и уже принялся пить, как в палатку вошел его оруженосец Гэвин. В руках у Гэвина было полно одеял, которые он забрал из палатки леди, стал раздавать солдатам и неожиданно обнаружил, что они не починены, а изрезаны. Лицо юноши являло собой образчик сердитого недоверия.

— Что с тобой, черт побери? — гаркнул Ройс, и его рука с графином застыла в воздухе.

— Одеяла, сир, — проговорил слуга, обращая укоризненный взгляд на Дженни, — она

их изрезала вместо починки. Люди под ними и без того мерзли, ничего более не имея, а теперь...

Сердце Дженни глухо забарабанило в непритворном испуге, когда граф очень медленно, очень осторожно опустил графин на стол. Он заговорил, и голос его превратился в скрежещущий от злости шепот:

— Подойдите сюда.

Покачав головой, Дженни сделала шаг назад.

— Вам же хуже, — предупредил он, заметив, что она пятится назад. — Я сказал: подойдите сюда.

Дженни скорее прыгнула бы с утеса. Полог палатки был поднят, но пути к спасению не было: вокруг палатки, после того как Ройс втащил ее туда, собрались мужчины, без сомнения, ожидая услышать вопли и мольбу о пощаде.

Ройс обратился к оруженосцу, но не сводил с Дженни пронзительного взгляда:

— Гэвин, принеси иглу и нитки.

— Слушаюсь, милорд, — подтвердил Гэвин, шмыгнул за угол и вернулся, доставив требуемое. Положил иглку с нитками на стол возле Ройса, отступил назад, с удивлением наблюдая, как Ройс попросту подобрал лоскуты, некогда бывшие одеялами, и сунул их рыжеволосой девушке.

— Вы почините все одеяла, — сказал он Дженни неестественно спокойным тоном.

Напрягшееся тело девушки слегка расслабилось, и она уставилась на захватчика со смешанным чувством ошеломления и облегчения. После того как она вынудила его провести сутки в погоне за ней, после того как она погубила его чудесного коня и перепортила одежду, единственным наказанием, которому он собирался ее подвергнуть, оказалась починка изрезанных ею же одеял. И это должно превратить ее жизнь в сущий ад?

— Вы не уляжетесь спать под одеяло, пока все это не почините, поняли? — добавил он голосом ровным и твердым, как отполированная сталь. — Пока моим людям не будет тепло, вам предстоит мерзнуть.

— Я... я поняла, — замирающим голосом ответила Дженни. Он был весьма сдержан, вел себя совсем по-отечески, и ей даже в голову не пришло, что он собирается сделать с ней что-то еще. По правде сказать, когда она шагнула вперед и протянула дрожащую руку к рваным лохмотьям, которые он держал, у нее промелькнула мысль, что молва сильно преувеличивает его жестокость, но в следующий миг эта мысль исчезла без следа.

— Ой! — вскрикнула она, а его большая рука метнулась, словно жалящая змея, сомкнулась у нее на запястье, рванув с такой силой, что весь воздух вырвался из груди Дженни, а голова запрокинулась.

— Ах ты сучка поганая! — рявкнул он. — Кто-то должен был выбить из тебя гордыню еще в детстве. Раз никто не позаботился, то я...

Он размахнулся, и Дженни закрыла голову руками, ожидая, что сейчас он ударит ее по лицу, но широкая ладонь схватила и отвела ее руки.

— Я свернул бы тебе шею, если б ударил. Лучше сделаю по-другому...

Прежде чем Дженни успела отреагировать, он сел и одним быстрым движением перебросил ее через колено.

— Нет! — задохнулась она, бешено извиваясь. Испугавшись по-настоящему, с ужасом вспомнив о собравшихся у палатки мужчинах, она выкрикнула: — Не смейте! — И всей тяжестью рухнула на пол. Он зажал ее ноги между своими лодыжками и замахнулся.

— Вот это, — начал он, звонко шлепая ее по мягкому месту, — за моего коня...

Дженни подсчитывала болезненные удары, прикусив губу до крови, сиюсь сдержатъ слезы, а рука его взлетала и падала, причиняя нескончаемые страдания снова, снова и снова.

— Вот это за вред, который ты нанесла... за дурацкий побег... за изрезанные одеяла...

Намереваясь лупить ее, пока не заплачет и не взмолится о пощаде, Ройс шлепал и шлепал; наконец у него заныла рука, но и тогда она все равно лихорадочно вырывалась, пытаясь извернуться, и не издала ни единого звука.

Ройс вновь занес руку и заколебался. Ягодицы ее напряглись, ожидая удара, тело сжалось, но она не кричала. Недовольный собой и лишенный удовольствия слышать плач и просьбы о милости, он сбросил ее с колена и встал, глядя на нее сверху вниз и тяжело дыша.

Даже сейчас непреклонная, неумолимая гордыня не позволила ей лежать распростертой у его ног. Опершись руками о землю, она медленно поднялась на нетвердых ногах и предстала пред ним, придерживая рейтузы на поясе. Голова ее была опущена, он не видел лица, но под его взглядом она передернулась и попыталась расправить вздрагивающие плечи. Она выглядела такой маленькой и незащитной, что Ройс почувствовал укол совести.

— Дженнифер... — резко сказал он.

Она вскинула голову, и Ройс застыл в немом изумлении и невольном восхищении открывшейся его взору поразительной картиной. Она стояла как дикая, обезумевшая цыганка — рассыпавшиеся волосы окутывали ее золотым пламенем, огромные синие глаза горели от ненависти и невыплаканных слез — и медленно поднимала руку... руку, сжимающую кинжал, который, видно, сумела вытащить из его сапога во время порки.

И в тот невероятный момент, когда она высоко занесла его собственное смертоносное оружие, Ройс Уэстморленд подумал, что это самое великолепное создание, какое он когда-либо видывал, неистовый, прекрасный, яростный ангел возмездия; грудь ее вздымалась и опадала в гневном, отважном противостоянии врагу, возвышающемуся над ней, словно башня. Ройс понял: он причинил ей боль, унизил ее, но не сломил неукротимый дух — и внезапно утратил уверенность, что хочет его сломить. Мягко и просительно он протянул руку:

— Отдайте мне кинжал, Дженнифер.

Она подняла нож еще выше, целясь, как понял Ройс, прямо в сердце.

— Я больше не причиню вам зла, — спокойно продолжал он, а юный Гэвин украдкой подбирался к ней сзади, готовясь защищать жизнь хозяина. — Равно как, — многозначительно, словно отдавая приказ Гэвину, добавил Ройс, — не сделает этого и мой ревностный оруженосец, что в данный момент стоит позади вас, готовый — стоит вам только замахнуть — перерезать вам горло.

В гневе Дженни забыла, что в палатке оруженосец, что этот мальчишка был свидетелем ее позора. Мысль эта обрушилась на нее подобно лаве, извергающейся из вулкана.

— Отдайте кинжал, — повторил Ройс, вновь протягивая руку в уверенности, что теперь она ни за что не отступится. И он не ошибся. Кинжал, нацеленный в самое сердце, молнией сверкнул в воздухе. Только быстрая реакция позволила ему перехватить руку, выпростать клинок из смертельной хватки, и даже тогда, когда он рванул ее к себе, крепко обхватив тело, яркая красная кровь уже сочилась из царапины, которую она умудрилась нанести ему на щеке возле уха.

— Вот кровожадная маленькая ведьма! — взбешенно прошипел он, и все прежнее восхищение ее отвагой испарилось в тот миг, как только он ощутил на лице кровь. — Если

бы ты была мужчиной, я убил бы тебя за такое!

Гэвин поглядел на рану хозяина с гневом, превосходившим гнев самого Ройса, перевел взгляд на Дженни, и в глазах юноши сверкнула жажда мести.

— Я кликну стражу, — вызвался он, бросив на нее последний ненавидящий взгляд.

— Не будь дураком! — бросил Ройс. — Хочешь, чтобы по лагерю разнеслась молва, что меня ранила монашка? Ведь это страх перед легендой обо мне поражает наших врагов, прежде чем они поднимут против меня оружие!

— Прошу прощения, милорд, — проговорил Гэвин. — Но как вы запретите ей разболтать об этом сразу же после того, как отпустите?

— Отпустите? — переспросила Дженни, оправляясь от полуобморока, вызванного видом пущенной ею крови. — Вы собираетесь нас отпустить?

— В свое время, если я прежде тебя не убью, — рыкнул Волк, отшвыривая ее прочь с такой силой, что она рухнула на четвереньки на грудь шкур в углу палатки. Он снова взял графин с вином, не спуская с нее грозного взгляда, сделал долгий глоток, потом взглянул на огромную иглу на столе рядом с нитками и приказал оруженосцу: — Poiщи иголку поменьше.

Дженни сидела, потрясенная его словами и поступками. Теперь, когда она вновь обрела способность рассуждать, ей с трудом верилось, что он не прикончил ее на месте за попытку убить его. Где-то в темных глубинах сознания она уже пришла к заключению, что Волк совсем не так страшен, как рисует его легенда, — будь он таковым хотя бы наполовину, Дженни уже подвергли бы пыткам и допросам. Вместо этого он явно намеревается отпустить их с Бренной.

К тому моменту как Гэвин вернулся с иголкой поменьше, Дженни испытывала почти сострадание к человеку, которого несколько минут назад собиралась убить. Она не могла простить и не простила ему физического насилия, но считала, что они честно сквитались теперь, когда она тоже ранила и тело его, и гордость. Наблюдая, как он пьет из графина, она решила, что умнее и лучше всего отныне не вынуждать его изменить решение вернуть их в аббатство.

— Я должен сбрить вашу бороду, сир, — заявил Гэвин, — иначе не смогу осмотреть и зашить рану.

— Ну так сбрей, — буркнул Ройс. — Ты не очень-то ловок с иголкой, даже когда видишь, что делаешь. У меня полным-полно шрамов в подтверждение этого.

— Очень жаль, что она поразила вас именно в лицо, — посетовал Гэвин, и Дженни на миг попрощалась с жизнью. — Оно и так сплошь в шрамах, — добавил оруженосец, принеся острый нож и чашку с водой для бритья.

Юноша, трудясь над своим хозяином, загораживал Волка от Дженни; минуты текли медленно, и она обнаружила, что легонько клонится то в одну сторону, то в другую, раздражаемая любопытством и желанием взглянуть, что за жуткая физиономия скрывается под пышной черной бородой. У него непременно окажется слабый подбородок, решила она, пытаясь заглянуть за спину оруженосца и кренясь вправо так сильно, что чуть не потеряла равновесие.

Ройс не забывал о ее присутствии и не доверял ей теперь, когда она продемонстрировала, что ей достанет храбрости на попытку лишить его жизни. Следя краешком глаза, он заметил, как она вертится в разные стороны, и насмешливо велел оруженосцу:

— Отодвинься немного, Гэвин, пускай она видит мое лицо, а не заглядывает через тебя, пока не свалится, как перевернувшаяся бутылка.

Дженни не успела выпрямиться достаточно быстро, чтобы прикинуться, будто бы ничего такого не делает. Щеки ее вспыхнули, и она отвела взгляд от Ройса Уэстморленда, но прежде вдруг с изумлением поняла, что Волк намного моложе, чем она думала. Более того, подбородок его был квадратным и мощным, с забавной маленькой ямочкой посередине.

— Ну-ну, не робей, — насмешливо подбадривал Ройс. Крепкое вино сильно смягчило его настроение. Кроме того, ее моментальное и поразительное превращение из бесстрашной убийцы в любопытную молоденькую девчонку было одновременно непостижимым и забавным. — Взгляни как следует на лицо, где ты только что собиралась вырезать свои инициалы, — уговаривал он, глядя на ее чопорный профиль.

— Мне надо зашить рану, милорд, — нахмурившись, проговорил Гэвин. — Глубокая и распухшая, она будет выглядеть некрасиво.

— Постарайся не выставлять меня в неприглядном виде перед леди Дженнифер, — иронически предупредил Ройс.

— Я ваш оруженосец, милорд, а не швея, — отвечал Гэвин, держа иглу с ниткой над глубоким разрезом, начинавшимся от виска хозяина и протянувшимся до скулы.

Слово «швея» вдруг напомнило Ройсу об аккуратных, почти невидимых стежках, которыми Дженни залатала пару шерстяных штанов, и он жестом отстранил Гэвина, обратив задумчивый взгляд на свою пленницу.

— Подойдите сюда, — обратился он к Дженни спокойным, но все-таки приказным тоном.

Более не желая его провоцировать, чтобы он не передумал освободить их, Дженни встала и покорно повиновалась, радуясь, что не придется больше сидеть на горящих огнем ягодицах.

— Поближе, — велел он, когда она остановилась вне пределов его досягаемости. — Будет вполне справедливо, если вы почините все, что изрезали. Заштопайте мне щеку.

В свете двух свечей Дженни увидела нанесенную ею рану, и вид разорванной плоти вкупе с мыслью о том, что в нее надо воткнуть иглу, едва не лишил ее чувств. Она проглотила подкативший к горлу комок и прошептала непослушными губами:

— Я... я не могу.

— Можете и сделаете, — неумолимо настаивал Ройс. Через секунду он сильно усомнился в разумности решения подпустить ее к себе с иглой в руках, но, заметив ее ужас при виде содеянного, снова обрел уверенность. Собственно говоря, думал он, заставить ее посмотреть на рану, прикоснуться к ней — уже само по себе возмездие!

Гэвин с явной опаской передал ей иголку с ниткой. Дженни взяла ее трясущимися руками, поднесла к лицу Ройса, но он тотчас же перехватил ее руку и произнес холодным предупредительным тоном:

— Надеюсь, вы не так глупы, чтобы хоть на миг помыслить причинить мне при операции лишнюю боль?

— Нет... я не хочу... не смогу... — слабо молвила Дженни.

Удовлетворенный ответом, Ройс протянул ей графин с вином:

— Сначала выпейте, успокойте нервы.

Если бы он в тот момент предложил яду и заверил, что это успокоит нервы, Дженни послушалась бы не колеблясь, так страшило ее предстоящее. Она подняла графин, сделала

три больших глотка, поперхнулась, потом вновь поднесла его ко рту и хлебнула еще. Она выпила бы и еще, да только граф решительно вырвал графин из ее стиснутых пальцев.

— Хватите лишку, и у вас помутится в глазах и пропадет ловкость, — сухо предупредил он. — Я не желаю, чтобы вы наглухо зашили мне глаз. Ну давайте.

Повернув голову, Ройс спокойно предоставил распоротое лицо в ее распоряжение, а Гэвин стоял рядом с Дженни и следил, не нанесет ли она вреда.

Никогда еще Дженни не приходилось штопать человеческую плоть, и, протыкая разрезанную кожу графа, она не смогла подавить слабого стона протеста. Наблюдая за ней краешком глаза, Ройс старался не морщиться из опасения, что при виде этого она свалится в обморок.

— Для убийцы у вас поразительно слабый желудок, — заметил он в попытке отвлечь себя от боли, а ее — от мыслей о выпавшей ей кровавой работе.

Дженни закусил губу, снова ткнула иголкой в плоть. Краски схлынули с ее лица, и Ройс вновь попробовал развлечь ее разговором:

— Что привело вас к мысли, будто ваше призвание — стать монахиней?

— Я... у меня нет такого призвания, — выдохнула она.

— Тогда что вы делаете в Белкиркском аббатстве?

— Меня отослал туда отец, — отвечала она, преодолевая отвращение к своей жуткой работе.

— Потому что решил, будто ваша судьба — стать монахиней? — недоверчиво допытывался Ройс, искоса поглядывая на нее. — Должно быть, ему известны иные стороны вашей натуры, отличные от тех, что вы демонстрируете мне.

Это едва не заставило ее рассмеяться; он заметил, как она прикусила губку, а на щеках заиграл румянец.

— По правде сказать, — медленно проговорила она, и голос ее, когда она не сердилась и не ждала неприятностей, оказался на удивление нежным, — я думаю, вы вправе утверждать, что он отослал меня туда именно потому, что ему известны те же стороны моей натуры, что и вам.

— В самом деле? — любопытствовал Ройс, поддерживая беседу. — По какой же причине вы пытались убить его?

Он проговорил это с такой искренней обидой, что Дженни не смогла сдержать улыбку. Вдобавок она со вчерашнего дня ничего не ела, и в крови у нее бродило крепкое вино, расслабляя и оживляя тело с макушки до пят.

— Ну? — настаивал Ройс, разглядывая крошечную ямочку в уголке ее рта.

— Я никогда не пыталась убить отца, — твердо заявила она, делая следующий стежок.

— Так что же вы сделали, раз он удалил вас в монастырь?

— Среди прочего отказалась... некоторым образом... выйти замуж за одного человека.

— Вот как? — с неподдельным изумлением вымолвил Ройс, припоминая, что слышал о старшей дочери Меррика, будучи в последний раз при дворе короля Генриха. Ходили слухи, что она — некрасивая, чопорная, холодная женщина и типичная старая дева. Он порылся в памяти, недоумевая, кто именно описывал ее в таких выражениях, и вспомнил — это поведал Эдвард Болдер, граф Лохлордон, эмиссар двора короля Иакова. Впрочем, то же самое единодушно повторяли и все остальные в тех редких случаях, когда ему доводилось слышать о ней; но, кажется, было еще что-то, что в данный момент ускользало из памяти.

— Сколько вам лет? — отрывисто поинтересовался он.

Вопрос, кажется, озадачил и раздражил ее.

— Семнадцать, — призналась она, по мнению Ройса, не очень охотно и добавила: — И две недели.

— Так много? — молвил он, скривив губы в сочувственной и удивленной гримасе. Семнадцать — еще далеко не старость, хотя большинство девушек выходит замуж между четырнадцатью и шестнадцатью. Он решил, что в старые девы ее записали не совсем справедливо. — Стало быть, вы сознательно не желаете выходить замуж?

В глубоких синих глазах промелькнули досада и протест, а он все пытался вспомнить, что еще болтали о ней при дворе, но в голову не приходило ничего, кроме утверждения, будто сестра Бренна превосходит ее во всем. По слухам, лицо Бренны красой затмевает солнце и звезды. Ройс лениво гадал, почему мужчины предпочитают кроткую бледную блондинку этой бешеной юной соблазнительнице, и тут сообразил, что сам в основном отдает предпочтение уютным светловолосым ангелоподобным красавицам, особенно одной.

— Вы, значит, сознательно не желаете выходить замуж? — повторил он, рассудительно переждав следующий стежок, чтоб у нее от этих слов не дрогнула рука.

Дженни аккуратно кольнула раз, другой, третий, стараясь побороть неожиданное и непривычное мнение о нем как о симпатичном и мужественном человеке. А она уже ясно видела, что он на редкость привлекательный, и это совсем сбilo ее с толку. Квадратные челюсти, раздвоенный подбородок, высокие и широкие скулы. Но уж совсем обезоруживало последнее открытие: у графа Клеймора, имя которого вселяло ужас в сердца врагов, были длиннейшие и густейшие ресницы, какие она только видела в жизни! В глазах ее заплясала улыбка при мысли о том, как будут заинтригованы все домашние, когда она выложит эти сведения.

— Так вы сознательно не желаете выходить замуж? — в третий раз нетерпеливо повторил Ройс.

— Пожалуй, да, поскольку отец предупреждал, что отправит меня в монастырь, если я откажусь от единственного достойного брачного предложения, которое смогла получить.

— Кто же вам его сделал? — заинтересованно спросил Ройс.

— Эдвард Болдер, граф Лохлордон. Сидите тихо! — сердито скомандовала она, когда он вздрогнул от изумления. — Меня нечего будет винить за плохую работу, если вы станете дергаться под иголкой.

Столь суровый выговор из уст худышки девчонки, которая, кроме того, была его пленницей, заставил Ройса громко расхохотаться.

— Долго еще вы там будете заниматься этой проклятой штопкой? — сердито парировал он. — Всего-навсего маленькая ранка.

Обиженная, что он, видно, счел ее отважный выпад не более чем легкой шалостью, Дженни отстранилась и посмотрела на него:

— Тут огромная, страшная рана, ни больше ни меньше!

Он открыл было рот, чтобы поспорить, но уткнулся взглядом в груди, бесстыдно выпирающие под тканью надетой на ней рубахи. Странно, что он до сих пор не видел, как пышна ее грудь, как тонка талия, как мягки и округлы бедра. Слегка поразмыслив, Ройс напомнил себе, что до самого последнего времени она носила бесформенные монашеские одежды, а он был чересчур зол и вообще не замечал, во что она одета. Теперь же он немедленно пожалел об этом, ибо отчетливо вспомнил, как прелестно круглились ее ягодицы, и в нем пробудилось желание: Волк неуютно заерзал на стуле, ворчливо буркнув:

— Заканчивайте.

Дженни отметила внезапную грубость и отнесла ее на счет его переменчивого настроения, из-за чего он в один момент становился сатанинским чудовищем, а в другой — превращался почти в брата. Что касается самой Дженни, тело ее оказалось почти столь же непредсказуемым, как и настроение графа. Несколько минут назад ей было холодно, несмотря на пылающий в палатке огонь, а сейчас слишком жарко в рубашке! И все-таки ей хотелось вернуться к той почти приятельской беседе, которую они вели в последние мгновения, не потому, что она желала бы с ним подружиться, а потому, что так меньше боялась его. И она попробовала возобновить разговор, заметив:

— Мне кажется, вы удивились, когда я упомянула графа Лохлордона.

— Удивился, — уклончиво подтвердил Ройс.

— Почему?

Он не испытывал желания сообщать, что Эдвард Болдер наверняка несет ответственность за некоторые ложные слухи, которые ходят о ней по всему Лондону. Учитывая, что этот Болдер — тщеславный петух, нечего удивляться, что он мстит за отказ от ухаживаний, черня имя отвергнувшей его женщины.

— Потому что он старый, — вывернулся наконец Ройс.

— И безобразный.

— И безобразный к тому же.

Как Ройс ни старался, он не мог себе представить, что любящий отец в самом деле намеревался отдать свою дочь за этого старого развратника. Раздумывая, он не мог также поверить, что отец в самом деле собирался держать ее в монастыре взаперти. Конечно же, граф Меррик просто послал ее туда на несколько недель, чтобы научить послушанию.

— Долго вы пробыли в Белкиркском аббатстве?

— Два года.

Он снова раскрыл рот, опомнился и закрыл. Лицо чертовски болело, и настроение вдруг испортилось окончательно.

— Очевидно, отец нашел вас такой же непокорной, упрямой, своевольной и безрассудной, как и я, — сердито пробурчал он, страстно мечтая сделать еще один добрый глоток вина.

— Если бы я была вашей дочерью, что бы вы чувствовали? — негодуяще спросила Дженни.

— Я чувствовал бы себя проклятым, — грубовато ответил он, не обращая внимания на ее обиженный взгляд. — За два дня вы оказали мне больше сопротивления, чем две последние взятые мной штурмом крепости.

— Я хотела сказать, — пояснила Дженни с полными гнева глазами, уткнув кулаки в пышные бедра, — будь я вашей дочерью и меня похитил бы ваш заклятый враг, как, по-вашему, мне следовало бы себя вести, чтобы угодить вам?

На мгновение Ройс уставился на нее, обезоруженный этим вопросом. Она не прикидывалась и не вымаливала пощады. Вместо этого изо всех своих дьявольских силенок пыталась перехитрить его, сбежать от него, убить — в таком вот порядке. Она не пролила ни единой слезинки даже во время звонкой порки, которую он ей задал. А потом, когда он подумал, что она плачет, замышляла зарезать. У него вновь мелькнула догадка, что она, может быть, не умеет плакать, но в данный момент он погрузился в раздумья о том, что чувствовал бы, если б она была его дочерью — невинной девушкой, похищенной из

надежного и безопасного аббатства.

— Спрячьте ваши зубки, Дженнифер, — коротко проговорил он. — Вы правы.

Она приняла победу с изящным поклоном — по правде сказать, гораздо более изящным, чем ожидал Ройс.

И тут он впервые увидел ее настоящую улыбку, и это зрелище потрясло его до глубины души. Улыбка возникала медленно — сначала озарила глаза, пока они определенно не засияли, потом тронула крупные губы, смягчила уголки рта, пока он не приоткрылся, позволив увидеть проблеск идеально белых зубов и пару ямочек на щеках.

Ройсу следовало бы усмехнуться в ответ, но он поймал неодобрительный взгляд Гэвина и понял, что ведет себя как галантный дурак с пленницей, больше того — с дочерью своего врага. А самое главное — с женщиной, разрушительная деятельность которой заставит его солдат трястись от холода нынешней студеной не по сезону ночью, не имея возможности согреться под одеялами. Он резко кивнул на груды лохмотьев:

— Идите спать. Завтра начнете чинить испорченные одеяла.

Улыбка исчезла с лица Дженни, и она сделала шаг назад.

— Я хочу повторить то, что сказал, — добавил он, больше сердясь на себя, чем на нее. — Пока не почините одеяла, будете спать без них.

Подбородок ее горделиво вздернулся, к чему он уже привык, она повернулась, направилась к шкурам, служившим ему постелью, а Ройс хмуро отметил, что ходит она с манящей грацией куртизанки, а никак не монахини.

Он потушил свечи. Дженни опустилась на шкуры, через несколько мгновений граф растянулся рядом, навалив на себя меха, чтобы согреться. Приятное тепло, подаренное вином, стало вдруг покидать ее, взбудораженное сознание безостановочно перебирало каждый час этого нескончаемого дня.

Уставившись в темноту, она оживила в памяти самую страшную сцену, ту, которую весь вечер пыталась забыть. Она увидела Тора во всем его совершенстве и великолепии, без устали мчащегося через лес, взбирающегося на гребни холмов, берущего с лету препятствие за препятствием, а потом лежащего мертвым.

Глаза ее наполнились слезами, она издала дрожащий вздох, за ним другой, пытаясь сдержаться, но скорбь по отважному животному не ослабевала.

Ройс, боявшийся заснуть прежде ее, услышал прерывистое дыхание, затем тихое подозрительное шмыганье. Она явно выжимала из себя слезы в надежде, что он смягчится и позволит залезть под шкуры. Он повернулся на бок, быстрым движением дотянулся до ее головы, повернул к себе лицом. Глаза блестели от непролитых слез.

— Вы что, замерзли до слез? — недоверчиво спросил он, пытаясь разглядеть ее при слабом мерцании головешек в небольшом очаге посреди палатки.

— Нет, — хрипло отвечала она.

— Тогда почему вы плачете? — растерянно допытывался он, не в силах понять, что же в конце концов сломило ее упрямую гордость и заставило плакать. — Потому, что я вас отшлепал?

— Нет, — с мукой в голосе прошептала она и взглянула ему в глаза. — Из-за вашего коня.

Признаться, такого ответа он меньше всего ожидал и сильнее всего жаждал. Каким-то образом мысль о том, что она жалеет бессмысленно погубленного коня, облегчила боль утраты.

— Это было прекраснейшее животное, которое я когда-либо видела, — глухо добавила она. — Если б я знала утром, когда уводила его, что веду его к смерти, осталась бы тут, пока... пока не нашла другой способ бежать.

Глядя в глаза графа, опущенные длиннейшими ресницами, Дженни заметила, как он вздрогнул и отдернул руку от ее лица.

— Просто чудо, что вы свалились, иначе погибли бы оба, — мрачно проговорил он.

Перевернувшись на бок, она зарылась лицом в шкуры и шепнула убитым голосом:

— Я не свалилась... Он меня сбросил. Мы целый день брали препятствия повыше того. Я знала, что мы с легкостью возьмем и это дерево, но он помешкал, без всякой причины отпрянул назад и стряхнул меня, прежде чем прыгнуть.

— Тор оставил потомство, Дженнифер, — грубовато-ласково сказал Ройс, — точное свое подобие. Один из них здесь, другого готовят и обучают в Клейморе. Я не совсем его потерял.

Пленница судорожно вздохнула и просто вымолвила во тьме:

— Спасибо.

Пронзительный ветер завывал в освещенной луной долине, хватал спящих воинов в холодные объятия, и к рассвету, немилосердно рано нарядившемуся, как на маскараде, в зимние одежды, они уже стучали зубами от холода. Ройс заворочался в палатке под теплыми шкурами, ощутив непривычное прикосновение к своей руке ледяных пальцев.

Он открыл один глаз и увидел Дженни, которая тряслась поверх шкур, сжавшись в комочек в попытках согреться. Честно говоря, Ройс был совсем не настолько погружен в сон, чтобы не соображать, что делает, и не забыл о своем запрете пользоваться теплыми одеялами, пока не возмещен ущерб, нанесенный его людям. Если совсем честно, то надо добавить, что он, устало глядя на ее дрожащее тело, помнил о своих верных бойцах, мерзнувших под открытым небом гораздо сильнее, чем в палатке. Поэтому нет и не может быть оправдания его следующему поступку: опершись на локоть, Ройс через Дженни протянул руку, схватил за краешек толстую кучу шкур, подтянул их и принялся ее укутывать, пока она не оказалась в теплом гнездышке.

Потом снова лег на спину и закрыл глаза, не испытывая угрызений совести. В конце концов его воинам не привыкать к трудностям и стихиям.

Она пошевелилась, зарываясь поглубже в меха, и вдруг коснулась ягодицами вытянутой ноги Ройса. Несмотря на меховую преграду, он мгновенно вспомнил о соблазнительных женских прелестях, лежащих у него прямо под носом. Ройс решительно прогнал воспоминания прочь. Она обладала странной особенностью быть в один и тот же момент невинной, неопытной девушкой и златовласой богиней, ребенком, способным легко подхлестнуть его злость, точно хворостинкой, и женщиной, способной исцелить боль, шепнув всего одно слово: «Простите». Но будь она ребенком или женщиной, он не осмелится к ней прикоснуться, ибо ему так или иначе придется ее отпустить либо отказаться от тщательно продуманных планов на будущее, которое должно наступить для него менее чем через месяц. Сдастся отец Дженнифер или нет, это, в сущности, не заботило Ройса. Через неделю, самое большее через две, он передаст ее либо отцу, если тот уступит на выгодных Генриху условиях, либо самому Генриху, если отец откажется. Теперь она собственность Генриха, а не Ройса, и ему не нужны осложнения, которые грянут со всех сторон, если он овладеет ею.

Граф Меррик с искаженным от гнева лицом расхаживал перед очагом в центре зала,

выслушивая предложения двух своих сыновей и четверых мужчин клана, которых числил ближайшими друзьями.

— Ничего не поделаешь, — устало говорил Гаррик Кармайкл, — пока король Иаков не придет нам подмогу, которую вы попросили, сообщая ему, что девочки в руках Волка.

— Тогда мы сможем атаковать ублюдка и уничтожить его, — бросил младший сын, Малькольм. — Сейчас он близ наших границ — это не такой долгий марш, как до Корнуолла, и на сей раз мы вступим в бой не столь измотанными.

— Не вижу, какая разница, близко идти или далеко и сколько у нас людей, — спокойно сказал старший сын, Уильям. — Глупо атаковать его, пока мы не освободим Бренну с Дженни.

— Как, ради Господа Бога, мы это сделаем? — возразил Малькольм и бесстрастно добавил: — Девчонки, считай, все равно уж мертвы. Теперь остается лишь мстить.

Уильям, который был намного ниже ростом, чем его брат и отчим, и гораздо спокойнее по натуре, откинул со лба светло-русые волосы и подался вперед, сидя в кресле, пристально глядя на брата.

— Даже если король Иаков придет нам столько солдат, что мы сумеем одолеть Волка, девушек не вернуть. Они погибнут в бою или их убьют, как только он начнется.

— Прекратите отвергать каждый план, пока не найдете лучшего! — приказал граф.

— По-моему, я нашел, — спокойно ответил Уильям, и глаза всех присутствующих тотчас устремились на него. — Если мы не можем выручить девочек силой, нам нужно прибегнуть к хитрости. Вместо того чтобы посылать армию и бросать вызов, дайте мне несколько человек. Мы оденемся купцами, или монахами, или еще кем-нибудь и последуем с войском Волка, пока не доберемся до девушек. Мне кажется, Дженни, — с восторженной нежностью проговорил он, — поймет, что я прав, и будет нас ждать.

— А я утверждаю: надо атаковать! — взорвался Малькольм, мечтая вновь безрассудно выступить против Волка и ничуть не заботясь о сестрах.

Юноши повернулись к отцу, ожидая его суда.

— Малькольм, — с любовью молвил отец, — как это на тебя похоже — избрать путь истинного мужчины, искать мести, не думая о последствиях. Ты получишь возможность сразиться, когда Иаков придет нам подкрепление. А пока, — он с зарождающимся уважением обратил взгляд на Уильяма, — план твоего брата — лучший из всех, что у нас есть.

В течение следующих пяти дней Дженни познакомилась с повседневной жизнью отдыхающей армии. Вскоре после рассвета мужчины вставали и несколько часов упражнялись с оружием, отчего поля и долина гудели нескончаемым и нестройным звоном мечей о щиты, палашей о палаши. Лучники Волка, об искусстве которых ходили легенды, тоже практиковались ежедневно, добавляя к железному грохоту посвист стрел. Даже коней каждый день выводили и обучали, седоки гнали их галопом сломя голову в воображаемую атаку на воображаемого врага, и звуки войны продолжали эхом звенеть в ушах Дженни еще долго после того, как солдаты прерывались, чтобы поесть.

Сидя в палатке Ройса за починкой одеял, она прислушивалась к неумолчному шуму и старалась сдерживать тревогу, не в силах вообразить, чтобы войску отца удалось уцелеть, выступив против изощренной, идеально отлаженной военной машины, которую Волк сотворил из своих бойцов, и сомневаясь, что замок Меррик будет готов к неизбежному нападению. Потом беспокойство ее обратилось на Бренну.

Ей удалось лишь мельком взглянуть на сестру с того самого вечера, когда завершился злосчастный побег. На Стефана, младшего брата графа, была, видно, возложена ответственность за содержание Бренны под стражей в его палатке, так же как граф Клеймор взял на себя ответственность за Дженни; однако граф не позволял девушкам находиться вместе. Дженни постоянно расспрашивала его, в безопасности ли пребывает Бренна, и он — вроде бы честно — отвечал, что Бренна в полнейшей безопасности и брат его обращается с ней как с гостьей.

Отложив шитье в сторону, Дженни встала и подошла к откинутому пологу палатки, страстно мечтая выйти. Погода стояла прекрасная для начала сентября — дни были теплые, хотя по ночам холодало. Отборные гвардейцы Волка — пятнадцать человек, единственным долгом которых была забота о самом Волке, а не об армии, — упражнялись верхом в дальнем конце поля. Как ни хотелось ей прогуляться по солнышку, похититель ее запретил даже это, а его обращение с ней, похоже, становилось суровее день ото дня. Рыцари, особенно сэр Годфри и сэр Юстас, прежде бывшие почти любезными, относились теперь к ней как к врагу, чье присутствие вынуждены терпеть.

В тот вечер, поужинав, Дженни вновь завела разговор на тему, больше всего занимавшую ее мысли.

— Я хочу повидать сестру, — заявила она графу, стараясь скопировать его ледяной тон.

— Так попробуйте попросить меня, — коротко предложил он, — а не просто поставить в известность.

Она задохнулась, услышав, каким тоном он это сказал, но сдержалась, вспомнив о своем затруднительном положении, и сладко продолжила:

— Ну хорошо. Можно мне увидаться с сестрой, милорд?

— Нет.

— Почему, ради Господа Бога? — взорвалась она, мигом позабыв о смирении.

В глазах его промелькнул смех.

— Потому, — отвечал Ройс, наслаждаясь стычкой с ней, несмотря на решение держаться подальше и в физическом, и в духовном смысле. — Как я вам уже говорил, вы дурно влияете на сестру. Без вас ей неостанет необходимой для побега смелости и воображения. А вы без

нее не надумаете бежать.

Дженни с огромным наслаждением наградила бы его такими прозвищами, что у него уши бы завяли, но это лишь повредило бы ее цели.

— Сомневаюсь, что вы мне поверите, если я дам вам слово не замышлять побега.

— А вы собираетесь дать мне такое слово?

— Да. Могу я теперь повидать сестру?

— Нет, — вежливо отвечал он. — К сожалению, нет.

— Я нахожу поистине удивительными, — объявила она с царственным великолепным презрением, медленно поднимаясь, — ваши сомнения в способности целой английской армии удержать двух простых женщин. Или вас заставляет отказывать мне жестокость?

Губы его сжались, но он ничего не сказал, сразу же после ужина вышел и вернулся, лишь когда она давным-давно заснула.

На следующее утро Дженни с изумлением увидела, что Бренну ведут к ней в палатку. Серые одежды, схороненные ими возле ручья, оказались чересчур грязными для носки, и Бренна, так же как Дженни, была одета теперь в тунику, штаны и высокие мягкие сапожки, позаимствованные, очевидно, у одного из пажей.

После горячих объятий она усадила сестру рядом и уже приготовилась обсуждать возможные способы бегства, как взгляд ее упал на мужские сапоги, видневшиеся в щели между землей и пологом палатки, сапоги с золотыми шпорами, не дозволенными никому, кроме рыцарей.

— Как твои дела, сестрица? — озабоченно спрашивала Бренна.

— Очень хорошо, — отвечала Дженни, гадая, кто это из рыцарей там торчит и приказано ли ему, кем бы он ни был, подслушивать разговор сестер. Внезапная мысль озарила ее, и она неспешно добавила: — По правде сказать, если б я знала, как хорошо они будут к нам относиться, никогда бы не совершила этой глупой попытки к бегству.

— Что?! — задохнулась Бренна.

Дженни сделала знак помалкивать, обхватила голову Бренны руками, повернула ее в сторону выхода из палатки и тишайшим шепотом проговорила:

— Если удастся их убедить, что мы больше не собираемся бежать, у нас будет гораздо больше шансов это сделать. Мы должны уйти, Бренна, прежде чем отец сдастся. Когда он согласится, будет уже поздно.

Бренна понимающе кивнула, и Дженни громко продолжила:

— Правда, когда нас впервые схватили, я думала совсем иначе, но, если честно, ужасно перепугалась ночью, в холмах, в одиночестве во время побега. А услышав волчий вой...

— Волчий?! — воскликнула Бренна. — Ты же сказала, что это сова!

— Нет, я сейчас вспоминаю и просто уверена, что это был страшный волк! Но дело в том, что здесь мы в безопасности — нас не убивают, не мучают, чего я поначалу ожидала, — так что нет никаких причин рисковать, вновь пытаясь бежать и самостоятельно отыскивать дорогу домой. Скоро батюшка так или иначе добьется нашего освобождения.

— О да! — подхватила Бренна в ответ на гримасы сестры, велевшие ей говорить громче. — Я с тобой совершенно согласна!

Как и надеялась Дженни, Стефан Уэстморленд, стоявший у палатки, доложил об услышанном. Ройс выслушал с немалым удивлением, но не смог отрицать логичность и благоразумность явного намерения Дженни спокойно перенести плен.

И тогда — правда, не без некоторой опаски — Ройс приказал сократить число стражей

вокруг своей палатки с четырех до одного, и этим единственным стал Арик, лично обеспечивающий сохранность пленниц. Но еще до сего распоряжения Ройс поймал себя на том, что, находясь в любой точке лагеря, то и дело останавливается и оглядывается на палатку, каждый раз ожидая увидеть, как сквозь щелку пытается протиснуться золотисторыжая головка. Когда миновало два дня, а она послушно сидела на месте, он пересмотрел другой свой вердикт и сообщил Дженнифер о дозволении проводить с сестрой один час ежедневно. А после усомнился в разумности и этого решения.

Дженнифер, прекрасно осведомленная о причинах таких перемен, поклялась использовать любую следующую возможность, чтобы укрепить основанное на заблуждении доверие графа и, умиловив его таким образом, добиться дальнейшего ослабления охраны.

На другой вечер судьба подарила ей последний шанс, и Дженни извлекла из него все, что могла. Как только она высунулась вместе с Бренной, собираясь уведомить Арика об их желании прогуляться вокруг палатки — лишь это пространство было отведено им теперь для разминки, — в голову ей одновременно пришло два соображения. Первое — что Арик и стражи Черного Волка находятся более чем в двадцати пяти футах, поглощенные в данный момент какой-то стычкой, завязавшейся меж солдатами; и второе — что вдали слева стоит граф, обернувшись и пристально наблюдая за ними.

Если бы Дженни не ведала о наблюдении, она вполне могла бы попробовать удрать вместе с Бренной в лес, но, моментально сообразив, что он поймает их через пару минут, поступила несравненно лучше. Тщательно притворясь, будто бы не имеет о слежке ни малейшего представления, она взяла Бренну под руку, демонстративно кивнула на отсутствующего Арика и нарочно направилась в сторону от леса, послушно держась близ палатки, как было велено. Прodelывая все это, Дженни мастерски давала понять Ройсу, что ей можно верить и она не сбежит даже без стражи.

Уловка сработала великолепно. В тот вечер Ройс, Стефан, Арик и Черный Страж собрались для обсуждения намеченного на завтра плана свернуть лагерь и выступить в тридцатимильный марш на северо-восток, к замку Хардин, где армия сможет отдохнуть в ожидании свежего подкрепления из Лондона. Во время обсуждения и последовавшего за ним обеда обращение Ройса Уэстморленда с Дженни стало галантным. И когда все покинули палатку, он обернулся к ней и спокойно сказал:

— Отныне не будет никаких ограничений на ваши свидания с сестрой.

Дженни, опускаясь на кучу шкур, уловила в его интонациях непривычную вежливость и, взглянув на гордое аристократическое лицо, почувствовала весьма ощутимую неловкость, словно он, перестав считать ее своим врагом, просит ответить ему тем же, а она не знает, как к этому относиться.

Она смотрела в бездонные серебряные глаза, и некий инстинкт предупреждал ее, что, предложив мир, он станет опаснее врага, но Дженни отвергла предостережение как не имеющее смысла. Конечно же, она извлечет только пользу из этой показной дружбы, и, если честно, ей даже понравилась та веселая болтовня, которую она с ним вела, зашивая рану.

Раскрыв было рот для благодарности, она вдруг замерла. Это смахивало на предательство — благодарить захватчика за снисходительность, прикидываться, что все забыто и они стали... м-м-м... друзьями. Кроме того, несмотря на облегчение при мысли, что она явно заставила его доверять ей, Дженни стыдилась хитрости и обмана, к которым прибегла для осуществления задуманного. Даже маленькой девочкой она была честной и прямодушной, из-за чего частенько попадала в немилость к отцу. Прямодушие и честность

привели ее к ссылке в аббатство. Здесь она вынуждена пускаться на хитрости, и все же, несмотря на вознаграждение своих усилий и благородство целей, немного стесняется того, что делает. Гордость, честность, отчаяние боролись в ее душе, а совесть страдала.

Она попыталась представить, как поступила бы матушка Амброз в такой ситуации, но просто не смогла вообразить, чтобы кто-то осмелился похищать достойную аббатису, не говоря уж об остальном, что довелось претерпеть Дженни с тех пор, как она здесь оказалась.

В одном, впрочем, Дженни была совершенно уверена — мать Амброз со всеми вела себя благородно, как бы ни складывались обстоятельства.

Граф оказал Дженни доверие, даже нечто сродни дружбе; она видела это в потеплевшем взгляде, слышала в ласковом низком баритоне. Она не может, не смеет его обманывать.

Будущее родного клана зависело от того, сумеет ли она бежать или хотя бы обеспечить условия для своего быстрого освобождения, ибо они обязательно попытаются освободить их, прежде чем сдаться. Поэтому ей так необходима максимальная свобода передвижения в лагере. Стыдно или не стыдно, она не сумеет сохранить порядочность, посмеявшись над его доверием. И должна отплатить ему мало-мальски честной и искренней дружбой.

Придя к такому решению, Дженни после продолжительного молчания взглянула на графа, вздернула подбородок и непреднамеренно холодным кивком согласилась на перемирие.

Более забавляясь, чем сердясь на то, что он по ошибке счел царственным согласие принять его милость, Ройс скрестил на груди руки и присел на краешек стола, поведя бровью в задумчивом любопытстве.

— Скажите, Дженнифер, — заговорил он, когда она уселась на шкурах, подобрав под себя стройные ноги, — когда вы принимали послушание, вас не предупреждали о необходимости избегать семи грехов?

— Да, разумеется.

— В том числе и гордыни? — мурлыкнул он, отвлекаясь из-за того, что пламя свечи заиграло в золотых нитях рассыпавшихся по ее плечам волос.

— А я вовсе не горделивая, — возразила она с чарующей улыбкой, прекрасно понимая, что он намекает на ее неохотное и не слишком любезное согласие принять его предложение. — Я, может быть, своевольная. И упрямая. И безрассудная. Но по-моему, совсем не горделивая.

— Слухи и собственный опыт общения с вами заставляют меня думать иначе.

Кислый тон рассмешил Дженни, и Ройс ощутил, что его захватывают заразительное веселье и прелесть ее смеха. Он никогда раньше не слышал такой мелодичности, никогда не видел, как смех сверкает в ее чудесных глазах. Сидя на куче мохнатых шкур, хохоча над ним, Дженнифер Меррик являла собой незабываемое зрелище. Он понимал это столь же ясно, как и знал, что, если подойдет и сядет рядом, наверняка встретит непреодолимое сопротивление. Он колебался, глядя на нее, мысленно перечисляя все доводы, почему ему лучше оставаться на месте, а потом, тщательно скрывая свои намерения, совершил прямо противоположное.

Протянув руку, прихватил со стола, на котором сидел, две кружки и графин с вином и понес все это к Дженнифер. Налил в кружки вино, предложил одну ей.

— Вам известно, что вас называют «гордячкой Дженнифер»? — спросил он, ухмыляясь в ее колдовское лицо.

Не ведая, что в сей миг она ступает на опасную и неизведанную стезю, Дженни

передернула плечиками, весело играя глазами.

— Это всего лишь сплетни, как я полагаю, результат одного моего свидания с лордом Болдером. Вас, например, прозвали «бичом Шотландии» и болтают, будто вы режете младенцев и пьете их кровь.

— В самом деле? — преувеличенно содрогнувшись, переспросил Ройс, усаживаясь рядом с ней, и полушутя добавил: — Тогда нечего удивляться, что я — персона нон грата в лучших домах Англии.

— Правда? — с любопытством проговорила она, борясь с неожиданным и нелепым приливом сочувствия. Он враг Шотландии, но сражается за Англию, и в высшей степени несправедливо, если свой же народ отвергает его.

Поднеся к губам кружку, Дженни сделала несколько глотков, чтобы привести нервы в порядок, потом опустила тяжелый сосуд, разглядывая Ройса в мерцающем свете высоких свечей. Юный Гэвин сидел в противоположном углу палатки, с виду погруженный в нескончаемую работу по полировке доспехов своего господина с помощью уксуса и песка.

Поистине, решила она, английское дворянство весьма странное, ибо в Шотландии сидящий с ней рядом мужчина считался бы необычайным героем-красавцем и с распростертыми объятиями был бы принят в любом замке, где есть дочка на выданье! В самом деле, есть в нем какая-то мрачная притягательность — твердые, резкие очертания скул и подбородка выражают непоколебимую решимость и непререкаемую властность, но все вместе взятое являет смелое, мужественное и привлекательное лицо. Возраст его угадать невозможно; жизнь под ветром и солнцем прочертила морщинки в уголках глаз и заложила складки у рта. Она считала, что он должен быть гораздо старше, чем кажется, ибо не припоминала поры, когда не слышала бы легенд о подвигах Волка. Ей вдруг пришла в голову загадочная мысль: почему он, проводя жизнь в захватнических сражениях, не позаботился ни жениться, ни завести наследников, которым, безусловно, достались бы все добытые им богатства?

— Почему вы так и не решились жениться? — неожиданно выпалила она и сама не поверила, что могла задать подобный вопрос.

Изумление отразилось на лице Ройса, сообразившего, что она явно считает его, двадцатидевятилетнего, давным-давно вышедшим из подходящего для женитьбы возраста. Справившись с собой, он, потешаясь, спросил:

— А вы как думаете?

— Потому, что ни одна подходящая леди не попросила об этом? — отважно предположила она, таинственно улыбаясь уголками губ, и Ройс счел эту улыбку в высшей степени очаровательной.

Несмотря на факт получения великого множества таких просьб, он только хмыкнул:

— По-моему, вы считаете, что для меня это уже слишком поздно.

Она с улыбкой кивнула:

— Похоже, мы оба обречены на безбрачие.

— Ах, но ведь вы-то самостоятельно предпочитаете оставаться в девичестве, вот в чем разница. — Невероятно забавляясь, Ройс прилег, опершись на локоть, и стал наблюдать, как розовеют ее щеки от выпитого, кружащего голову вина. — В чем же моя ошибка, по вашему мнению?

— Этого я, конечно, не знаю. Но полагаю, — продолжала она после минутных раздумий, — что мало шансов встретить достойную леди на поле брани.

— Верно. Я почти всю жизнь провел в сражениях ради того, чтобы принести мир.

— Единственная причина отсутствия мира в том, что вы постоянно его нарушаете своими дьявольскими набегами, — мрачно уведомила она его. — Англичане ни с кем не способны ужиться.

— В самом деле? — сухо спросил он, наслаждаясь ее выпадом точно так же, как минуту назад наслаждался ее смехом.

— Конечно. Смотрите, ведь вы со своей армией только что возвратились после битвы с нами в Корнуолле...

— В Корнуолле я сражался на английской земле, — кротко напомнил он, — потому только, что ваш возлюбленный король Иаков — у которого, кстати сказать, безвольный подбородок — напал на нас, пытаясь усадить на трон мужа своей кузины.

— Что ж, — негодуя парировала Дженни, — Перкин Уорбек^[7] был бы хорошим королем для Англии, и королю Иакову это известно! Перкин Уорбек — давно пропавший сын Эдуарда IV.

— Перкин Уорбек, — спокойно возразил Ройс, — давно пропавший сын фламандского лодочника.

— Это всего лишь ваше мнение.

Он не выказывал намерения продолжать обсуждение этой темы, и Дженни украдкой окинула взглядом твердые, чеканные черты его лица.

— Правда, что у короля Иакова безвольный подбородок? — не выдержала она.

— Правда, — ухмыльнувшись, подтвердил Ройс.

— Ну мы начали говорить вовсе не о его внешности, — строго заметила она, переварив сведения о своем короле, про которого шла молва, будто он красив как бог. — Мы говорили о ваших бесконечных войнах. До нас вы сражались с ирландцами, потом...

— Я сражался с ирландцами, — перебил Ройс с насмешливой улыбкой, — потому только, что они короновали Ламберта Симнела, а потом напали на нас с целью усадить его на трон вместо Генриха.

Он преподнес это так, словно не правы были Шотландия с Ирландией, и Дженни не сочла себя достаточно осведомленной, чтобы поспорить на эту тему. Она вздохнула и проговорила:

— По-моему, нет никаких сомнений в причине вашего пребывания здесь, в такой близости от наших границ. Вы ждете прибытия новых солдат, а потом Генрих намеревается послать вас в Шотландию и затеять с нами кровавую битву. В лагере все это знают.

Решившись вернуть беседу в прежнее легковесное русло, Ройс молвил:

— Помнится, мы вели речь о моих неудачных поисках подходящей супруги на поле битвы, а не о результатах самих этих битв.

Радуюсь возможности сменить тему, Дженни охотно вернулась к прежнему разговору, помолчала минутку и любопытствовала:

— Вы ведь бывали при дворе Генриха и встречались там с леди?

— Бывал и встречался.

В задумчивом молчании она потягивала вино, созерцая высокого мужчину, который растянулся рядом, чувствуя себя так же свободно и хорошо, как и в палатке на поле боя. Все выдавало в нем воина. Даже сейчас, в минуту отдыха, тело его излучало хищную силу — невероятно широкие плечи, бугрящиеся под темно-синей шерстяной туникой мускулы, четко обрисованные черными шерстяными рейтузами мышцы ног и бедер. Годы, проведенные в

латах, с палашом в руках, закалили и подготовили его к битвам, но Дженни не представляла, чтобы такой образ жизни пошел ему на пользу при дворе или подготовил к общению с царедворцами.

— Вы... вам трудно приходится среди придворных? — нерешительно поинтересовалась она.

— Весьма, — отвечал Ройс, увлеченно наблюдая за игрой ее выразительных глаз.

Этот ответ поразил ее нежное сердце, ибо Дженни слишком хорошо знала, как унижительно и обидно чувствовать себя чужим среди тех самых людей, признания которых больше всего жаждешь. Нехорошо и несправедливо, чтобы человека, ежедневно рискующего ради Англии жизнью, избегали его собственные соотечественники.

— Я уверена, что это не ваша вина, — сострадательно проговорила она.

— А чья же, по-вашему? — поинтересовался он со слабой улыбкой в уголках лепных губ. — Почему мне так трудно приходится при дворе?

— Мы говорим о ваших отношениях с леди или с джентльменами? — уточнила она, неожиданно пожелав помочь ему отчасти из жалости, отчасти под действием крепкого вина, отчасти отвечая на пристальный взгляд серых глаз. — Если с леди, тогда я могу помочь, — вызвалась она. — Хотите совет?

— Пожалуйста, будьте любезны. — Подавляя ухмылку, Ройс успешно изобразил сосредоточенную серьезность. — Поведайте мне, как обращаться с леди, чтобы в следующий раз, попав ко двору, я пользовался успехом и одна из них согласилась взять меня в мужа.

— О, не могу обещать, что они пожелают за вас выйти, — не подумав, брякнула она.

Ройс захлебнулся вином, и капельки брызнули у него изо рта.

— Если вы намеревались завоевать мое доверие, — проговорил он все еще сдавленным от смеха голосом, — то у вас ничего не вышло, миледи.

— Я не хотела... — жалобно пробормотала Дженни. — Правда, я...

— Возможно, нам следует обменяться советами, — весело продолжал он. — Вы расскажете мне, какого обхождения заслуживает высокородная леди, а я расскажу вам, как опасно обманывать доверие мужчины. Давайте налью вам еще вина, — примиряюще добавил он, дотягиваясь до графина и доливая ее кружку. Потом бросил через плечо взгляд на Гэвина, и оруженосец немедленно отложил в сторону начищенный щит и покинул палатку.

— Продолжайте наставления, я весь внимание, — попросил Ройс, пока она отпивала. — Давайте представим, что я при дворе и только что вошел в личные покои королевы. Вокруг меня собралось несколько прекрасных дам, и я решил сделать одну из них своей женой...

Глаза ее ошеломленно расширились.

— Но ведь не собираетесь же вы брать кого попало, правда?

Ройс запрокинул голову и залился смехом; на непривычный звук в палатку ворвались трое стражей. Коротким жестом отослав их прочь, он взглянул на ее дерзко задранный, все еще неодобрительно сморщенный носик и осознал, что чрезвычайно низко упал в ее глазах. Подавив новый приступ веселья, напомнил с притворным раскаянием:

— Я ведь оговорил, что все дамы прекрасны, не так ли?

Она чуточку просветлела, улыбнулась, кивнула:

— Правда, оговорили. Я позабыла, что красота для мужчин — самое главное.

— Самое главное на первый взгляд, — уточнил Ройс. — Ну хорошо. Что мне делать теперь, когда я избрал... м-м-м... объект своих матримониальных поползновений?

— А как вы обычно поступаете?

— А как вы думаете?

Нахмутив изящные брови, весело приподняв уголки большого рта, она глядела на него, обдумывая ответ.

— Судя по тому, что я о вас знаю, могу только предположить, что вы перебрасываете леди через колено и шлепаете, пока не подчинится.

— Вы хотите сказать, — невинно переспросил Ройс, — что так никуда не годится?

Дженни, заметив смешок в его глазах, расхохоталась, а Ройсу показалось, что палатка наполнилась музыкой.

— У леди... то есть у благородных леди, — пояснила она чуть позже, откровенно намекнув взглядом, что в прошлом он скорее всего знал с леди иного сорта, — существуют весьма определенные представления об обхождении с ними мужчин, желающих завоевать их сердца.

— И о каком именно обхождении мечтает благородная леди?

— Ну о рыцарском, разумеется. Больше того, — продолжала она, а в сапфировых ее глазах загорелся огонек вдохновения, — леди хочется думать, что взор ее рыцаря, вошедшего в полный народу зал, прикован к ней одной. Он ничего не должен замечать, кроме ее красоты.

— В таком случае ему грозит неминуемая опасность споткнуться о собственный меч, — заметил Ройс, прежде чем сообразил, что Дженни повествует о собственных грезах.

Она бросила на него укоризненный взгляд и молвила:

— И... ей хочется думать, что у него романтическая натура... которой вы явно не обладаете!

— Обладать романтической натурой вовсе не означает, что я должен бродить по залам точно слепой, — возразил он. — Но продолжайте — чего еще хочется леди?

— Верности и преданности. И слов... особенно слов.

— Каких же именно слов?

— Слов любви и нежного восхищения, — мечтательно пояснила Дженни. — Леди хочется слышать, что рыцарь любит ее более всех на свете, что она для него прекрасна. Ей хочется, чтобы он говорил, будто глаза ее напоминают ему небо или море, будто губы ее напоминают ему лепестки роз...

Ройс смотрел на нее, сраженный изумлением:

— Вы в самом деле мечтаете, чтобы мужчина произнес подобные слова?

Она побледнела, словно он ударил ее, потом, похоже, решилась вообще прекратить этот разговор.

— Даже дурнушки мечтают, милорд, — с улыбкой проговорила она.

— Дженнифер, — резко сказал он с раскаянием и удивлением, — вы вовсе не дурнушка. Вы... — он изучал ее, обомлев от очарования, только было и нечто большее, привлекавшее его сильнее лица и тела: Дженнифер Меррик обладала пылкой добротой, которая согревала его, бешеным темпераментом, который дразнил его, и обаянием, которое все сильнее манило его, — ...вы вовсе не дурнушка.

[Купить полную версию книги](#)

Примечания

Лэрд — титул помещика в Шотландии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Иаков IV — шотландский король с 1488 по 1513 г.

Эдуард V в 1483 г. провозглашен английским королем, отстранен герцогом Глостером (будущим королем Ричардом III) и заключен вместе с братом в Тауэр, где они оба были убиты.

Генрих VII — первый английский король из династии Тюдоров, вступивший на престол в 1485 г. после победы над Ричардом III.

Восьмая заповедь — «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».

Тор — в древнескандинавской мифологии бог грома и молнии, покровитель земледельцев.

Перкин Уорбек (1474–1499) — самозванный претендент на английский престол, высадившийся в Корнуолле и провозгласивший себя королем, после чего был схвачен и казнен.